

НОВАЯ ПОЛЬША 9/2007

Содержание

1. ТОЧКА КИПЕНИЯ
2. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
3. СТИХИ И ПЕСНИ РАЗНЫХ ЛЕТ
4. САДЫ, КОТОРЫХ ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ
5. БОЛЬШОЕ МОЛЧАНИЕ
6. 1937 ГОД И СОВРЕМЕННОСТЬ
7. ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ
8. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
9. МОЯ СУЩНОСТЬ НЕ ИЗМЕНИЛАСЬ

ТОЧКА КИПЕНИЯ

— Вы были среди инициаторов возобновления деятельности коллоквиума “Опыт и будущее” (*польское сокращение — ДИП*), вписавшего одну из прекрасных страниц в историю оппозиции в ПНР. Что такого произошло, что Четвертая Речь Посполитая склонила участников коллоквиума к возвращению?

— Мой отец был профессором, специалистом по социальной политике и принимал участие в работе первого ДИПа, возникшего в 1978 г., — таким образом, у меня был семейный предлог выступить с инициативой его возрождения.

Но решающим для воссоздания ДИПа был с трудом поддающийся определению импульс. Когда-то Ванда Вилькомирская сказала, что каждый достигает точки кипения в свое время. Она ее достигла, когда было объявлено военное положение, и решила покинуть родину. Мы не собираемся и не должны уезжать из Польши, тем не менее мы чувствуем, что температура кипения в Польше достигнута. Интеллигенция позволила себя подавить, загнать в угол. Она перестала публично высказываться об общественных делах. Этот дискурс присвоили себе политики, и тут я говорю не только о нынешней команде: это касается всех политических команд, которые управляли Польшей после 1989 г., хотя у нынешней в этом отношении наверняка больше грехов, чем у предыдущих.

— Была ли интеллигенция маргинализована, потому что такова была логика перемен, совершавшихся в Польше после 1989 г., или же она сама пренебрегла своей традиционной ролью? И вообще: что сегодня значит “интеллигенция”?

— Да-а-а... Несколько человек поумнее меня пытались заново определить это понятие. Несомненно, нынешнее положение интеллигенции, ее чувство отчуждения, ее деградация, в том числе и материальная, вызваны многими причинами. У меня такое впечатление, что мы продолжаем собирать поздний урожай марта 1968 г. Польша была единственной страной в восточном блоке, где после 1968 г. иерархия зарплат была поставлена с ног на голову. Я бы даже позволил себе сделать такое обобщение: чем больше человек учился, тем меньше он зарабатывал. Сегодня это меняется, но очень медленно.

Я не хотел бы обобщать и говорить вещи несправедливые, но лучше всего это видно на примере негативного отбора в учителя. Этот отбор — несомненный факт, и с тем большим уважением я думаю о благородных маньяках, любящих преподавать и берущихся за эту работу невзирая на свое материальное положение. Помню, однако, пронзительное ощущение горечи, когда, работая в университете, я думал: а кто же из моих студентов пошел работать в школу? За исключением нескольких процентов этих благородных маньяков, остальные были в лучшем случае середнячками, которые не особенно знали, что с собой делать, как завоевать лучшее положение в жизни.

В коммунистической Чехословакии у учителей были огромные трудности (особенно у преподавателей гуманитарных дисциплин, которые должны были отвечать на социальный заказ власти), но им всегда хорошо платили.

Сегодня мы знаем результаты регулярных исследований чтения и степени понимания печатного слова в странах Организации экономического сотрудничества и развития. Чехи достигают самых лучших результатов в нашем регионе, даже по сравнению с молодыми немцами. Мы же находимся в третьем десятке исследуемых стран. Те книги, которые продаются у нас двух-трехтысячным тиражом, в Чехии расходятся тиражами в восемьдесят тысяч — а население страны в три раза меньше, чем Польши! Впрочем, трудно удивляться: на образование одного школьника чехи тратят на 40% больше, чем поляки. Можно только позавидовать положению чешской интеллигенции.

— Последний доклад ДИПа, “Заметки о состоянии демократии в Польше”, — это все-таки прежде всего голос экспертов, а не мнение польской интеллигенции. В подтексте есть и диагноз уровня нынешних дискуссий, в которых участвуют СМИ и политики.

— Демократия в ее польском варианте сведена к текущим целям. Если идет дискуссия о ее проблемах, то они сводятся к чистой тактике и методам подавления политических противников или конкурентов. А в нашей недавней истории мы знаем и другие примеры. Прежде чем в 1918 г. вновь возникла Речь Посполитая, много лет, еще в разделенной Польше, шла волна интересных и принципиальных дискуссий о будущем независимом государстве. В них принимали участие и те люди, которые потом играли важную роль в возрожденной Польше. Это были лучшие умы польской политической мысли. Все политические программы Второй Речи Посполитой

опирались на эти дискуссии. В них принимали участие и историки, обладавшие властью над умами, хотя, признаемся, история тогда играла совсем иную роль, нежели сейчас. Перед возникновением Третьей Речи Посполитой такой дискуссии не было. Ни в 70-е, ни в 80-е годы. Даже такие уважаемые группы экспертов, как, например, первый ДИП, в своих докладах были вынуждены сосредотачиваться на текущих делах. Третья Речь Посполитая создавалась как бы на бегу. Никто не ожидал, что через несколько лет коммунизм рухнет и надо будет строить демократию с самого основания. Причем в стране, не имеющей демократических традиций, ибо традиции Второй Речи Посполитой я не считаю вполне демократическими.

Таким образом, порча, вызванная отчаянной текучкой, характеризует не только два последних года польской политики. Нам только кажется, что спор о формах польской демократии мы уже оставили позади. Он всё еще перед нами.

— Ну хорошо... Значит, мы слышим голос независимых экспертов. Может быть, лучше, чтобы они были “зависимы”, то есть давали власти советы, обеспечивали тылы той или иной команды?

— Но наши политики не интересуются тем, что скажут эксперты, — разве что слова экспертов обосновывают уже принятые решения. В этом состоит разница между нами и развитыми демократическими обществами. Я говорю об этом без неодобрения, потому что, на мой взгляд, трудно догнать отставание в течение одного политического поколения. Люди, которые занимаются политикой в западных странах, прекрасно знают, что без экспертов они пропадут. Президент Рейган никогда не был человеком с широким интеллектуальным горизонтом, но знал, что должен выслушивать тех, кто умнее его, и обладал талантом находить таких людей. Похоже, что польские лидеры на это неспособны — они всегда всё знают лучше.

В 80-е годы я имел возможность увидеть, как функционирует школа политических лидеров в Оксфорде. Как раз шла дискуссия о Польше. Я слышал выступления очень молодых людей — на уровне, который тщетно искать в польском парламенте. Раньше они обсуждали вопрос, послать ли телеграмму с соболезнованиями в Кремль по случаю смерти Юрия Андропова. Зал разделился на два противоположных лагеря. Одни говорили, что надо послать, потому что это был интересный человек, весьма отличавшийся от Брежнева, тонкий знаток западной культуры и любитель джаза; другие в самых разных деталях (и это выглядело в самом деле

внушительно) напоминали его зловещую роль в Будапеште в 1956 году. Дискуссия кончилась тем, что встал один молодой человек и сказал: “Мы не можем посылать такую телеграмму, так как господин Андропов не был джентльменом...”

Речь идет не только об уровне образования, но и об уровне политической культуры, т.е. умения выслушивать противоположное мнение и формулировать собственные доводы. Они этому учатся в ранней молодости, и в этом их отличие от нас.

— Форма политики — всегда производное от культуры, это очевидно.

— Но не забудем, что Великобритания не всегда была оазисом политической культуры и высокой компетентности. В первой половине XVIII века страна была куда больше разъедена коррупцией, чем Польша времен Саксонской династии. Если бы не островное положение, то, я убежден, она не сохранилась бы в тогдашней Европе. Прошло несколько десятков лет, прежде чем там произвели революцию не менее глубокую, чем французская. Они смели весь свой политический класс и в XIX век входили как одна из стран Европы, управляемых совершенно по-новому.

Сегодня история идет быстрее, чем когда-либо...

— Но Польша — не остров, хотя многие так считают...

— Не мы одни переживаем детскую болезнь молодой демократии. Главное, чтобы мы себе не внушали, что болезнь — состояние естественное и всё само собой образуется.

Возвращаясь к докладу ДИПа: составляя текст, мы стремились убрать любые выпады против нынешней власти. Мы хотели показать непрерывность определенных процессов, которые сегодня растлевают польскую демократию. Основой были тексты Марека Сафьяна, Виктора Осятынського, Эдмунда Внука-Липинского и Стефана Братковского. Программный совет ДИПа политически неоднороден, что мы считаем достоинством во времена политической поляризации. Однако всех нас объединяет убеждение, что польская демократия должна функционировать лучше, а власть не должна рассматривать общество инструментально и проявлять тоталитарные тенденции. Опасности надо распознавать настолько заранее, чтобы оставался путь возврата, но без раздирания одежд и битья в набат.

Демократический дух

— В докладе ДИПа мы читаем такие слова: “...правлящее большинство провозглашает, что победителям выборов всё дозволено (...) и что государство обязано контролировать состояние умов...” Это звучит как прямое предостережение от тоталитарных поползновений.

— В развитых демократиях остается очевидным, что большинство, победившее на выборах, берет власть, но одновременно не производит кадровой революции до уровня привратника в министерстве, причем по критерию партийной принадлежности (это, кстати, отнюдь не специфика последней команды у власти). И не считает взгляды оппозиции умственным заблуждением. Хороший пример — недавние выборы во Франции и первые шаги Саркози, которого польские власти считают — как правого, что бы это ни значило, — своим союзником. Предвыборная кампания была крайне острой, но трудно подсчитать, сколько раз после победы Саркози повторил слово “объединять” и сколько жестов сделал в сторону недавних противников, сколько постов им предложил. Разумеется, не везде дело обстоит так, как в Великобритании, где теневой кабинет оплачивается из государственной казны. Но есть нечто мудрое в принципе, согласно которому стоит прислушиваться к голосу меньшинства. Не стоит втоптывать его в грязь. Польские традиции, кстати, могут нас многому в этой материи научить.

— Так о чем же забыл польский демократический дух, прежде чем стать таким анархическим?

— Это прозвучит странно, но я сошлюсь на традицию польского вето, хотя и не того вето XVIII века, которое сыграло жуткую роль, как раз приводящую к анархии. Но в XVII веке, в эпоху исполнительных сеймов, когда польское устройство и государственная организация могли быть примером для всей Европы, был *expressis verbis* сформулирован принцип, согласно которому большинство не обязательно побеждает при голосовании... Точнее говоря, не столько при голосовании, сколько в формировании мнений, — так тогда возникали “конституции”, т.е. резолюции сеймов. Важнее всего был консенсус. Никому в здравом разуме не пришло бы в голову срывать сейм по малейшему поводу. В принципы строя была вписана идея о том, что может произойти драматический случай, когда большинство ошибается, действует во вред стране. Тогда вето гарантировало право голоса тому, кто раздирал одежды и говорил: этого мы сделать не можем.

Еще раз повторю: меня интересует не дальнейшая историческая судьба права вето, а философия государства и стоявшего за ним сообщества. Это звучит довольно экзотически, не правда ли?

— Если уж мы занялись историей, то один из пунктов доклада ДИПа относится к историческому воображению, над которым власть хочет господствовать. Разделяете ли вы, историк, это крайнее мнение?

— У нас на глазах история пишется заново, особенно новейшая. И речь идет не только о досье [на сексотов], но и о картине функционирования оппозиции начиная с 1970-х или картине механизмов, которые привели к крушению коммунизма... Этот пересмотр вытекает не только из сознательных устремлений правящей команды — свою роль тут наверное играет и нетерпение, свойственное молодому поколению историков, склонных всё делить только на черное и белое. Это тот случай, когда борьба поколений на руку политике власти, которая подрывает авторитеты и любые точки опоры, конкурирующие с ней в глазах общественности.

Нет!

— Вот именно, последний пункт доклада называется, простите, “Самооборона элит”: авторитарные действия проявляются в отсутствии доверия к институту демократического государства, но в то же время и в подрыве роли политических и интеллектуальных элит. Где они, собственно, эти “элиты”? И откуда берется успешность социотехники, которую использует “Право и справедливость”, направляя общественное разочарование в нужное русло?

— В Польше есть очень большая группа людей, которых я назвал бы “электоратом разочарования”. Я говорю это без всякого презрения и чувства превосходства. Оставим в стороне вопрос, кто насколько сам виноват в своем положении, потому что с точки зрения государства существеннее то, что такие люди предоставлены самим себе. Поэтому они легко становятся добычей Тыминского или Леппера — фокусников, у которых есть рецепт на всё.

— Это, вероятно, не только результат разочарования по экономическим причинам. В своем стиле это диагностировал в середине 90-х Ежи Урбан, говоря, что в Польше самые большие шансы постоянно побеждать получила бы партия под названием “Нет”, ограничивающая свою программу

отрицанием того, что есть, каково бы оно ни было. Лишь бы ей самой не брать власть.

— Разумеется, источники разочарования нельзя сводить только к экономическим вопросам. Одна из самых важных проблем — отверженность: социальная, территориальная, культурная. Запускается механизм самоумножения безнадежности — хотя бы отсутствия доступа к хорошему образованию. Дети ходят в плохие школы и обычно бросают их недоучившись. Они вырастают с неприязнью к “элитам”, раз те ни в чем им не помогли и даже не пытались помочь. Никогда не было таких, как сейчас, диспропорций среди молодежи. Одни кончают хорошие, элитарные лицеи в крупных городах, а потом идут в лучшие польские университеты в Варшаве, Кракове, Познани, Вроцлаве, после которых могут работать по профессии во всей Европе. На другом полюсе — куда большая группа людей отчужденных, относящихся к окружающим враждебно. Если мы с этой проблемой не справимся, то лет через двадцать получим серьезные проблемы с развитием демократии в нашей стране. Демократическое правление не может опираться на светлое, то есть привилегированное, меньшинство.

Один из следующих докладов ДИПа мы хотим посвятить как раз отверженным.

— В докладе говорится также об антидемократическом потенциале в Польше. Речь идет об этой группе отверженных?

— Не только. Антидемократические тенденции повсюду развиты и среди интеллигенции. Об этом могла бы свидетельствовать популярность министра юстиции Зёбро: ужесточим наказания, повысим репрессивность, посадим еще 30 тысяч человек в тюрьмы, и после этого страна станет нормальной. Люди верят в это независимо от образования. И это тревожные данные: по опросам ЦИОМа, за авторитарные решения — около 20% поляков, зато целых 53% людей с самыми низкими зарплатами и целых 33% с самыми высокими готовы одобрить недемократические решения в определенных обстоятельствах. Это вызывает настоящую тревогу.

— Когда я с вами говорю, у меня складывается впечатление, что страсть к конкретной работе у вас по-прежнему жива. Как произошло, что в 1976 г. молодой историк из Варшавы попал в Радом, разыскивая адреса рабочих, репрессированных властями ПНР?

— Я был тогда научным сотрудником Варшавского университета, готовил кандидатскую диссертацию, посвященную политическому языку Польши времен Саксонской династии. Но тут произошло то, что перевернуло всю мою жизнь. Каникулы 1976 г. (я уехал сразу после событий в Радоме, Урсусе и Плоцке) я проводил в идиллических условиях у брата в Швейцарии; там я слушал польское радио вперемежку со “Свободной Европой” и знал, что премьер-министр Ярошевич ввел карточки на сахар. В Польшу я вернулся 31 августа, и уже 1 сентября мне позвонила моя бывшая однокурсница Магда Бохенская, тогда жена Мирека Хоецкого, и спросила, не зайду ли я к ним. Магда с Миреком показали мне доклады об избиениях рабочих и репрессиях в Урсусе... Это ужасало. Меня спросили, не хочу ли я участвовать в помощи преследуемым в Радоме. Я подумал день и согласился. И сразу поехал туда, а Мирек снабдил меня планом города. Я довольно хорошо знал Лодзь, и вид нужды не представлял для меня ничего нового, но в Лодзи я созерцал ее как прохожий, а тут входил в дома и разговаривал с людьми. Я оказался в другом мире. В мире нищеты, безнадежности, страдания. Был сентябрь, а они с июня в результате полученных травм не могли ни сидеть, ни лежать на спине... Писать жалобы они боялись: только что вышли из КПЗ и тюрем. Десятка полтора моих собеседников использовали, как сейчас помню, сравнение с гестапо.

Самым шокирующим был рассказ о смерти молодого техника с Радомского стеклозавода Яна Брожины. Он возвращался с именин, не имел при себе удостоверения личности, и милиция забила его насмерть прямо на улице. Не знаю, выяснено ли это дело хоть сейчас.

“Стеклянные дома”

Этот опыт оказался настолько глубоким, что сформировал во мне вот эту позицию конкретной работы: необязательно формулировать великие политические манифесты, чтобы подрывать этот строй. Это можно делать на другом уровне, хотя бы на уровне независимого образования.

— И так вы стали издателем, поначалу подпольным...

— Я не хотел включаться в чисто политическую деятельность. Я считал, что для эрозии системы важно неподцензурное слово. Мы чувствовали, как наши читатели жарко дышат нам в затылки. Они требовали всё больше коммунике КОРа. Все экземпляры просто рвали из рук. Когда Мирек пришел с предложением помочь в производстве первых книг и

журналов, мне не пришлось долго думать... Началось с издательства НОВА.

Первый номер “Пульса” готовился в квартире моих родителей. В нем было около полутора ста страниц, а редакторы выдумали украсить его иллюстрациями в форме фотографий, так что их пришлось клеивать вручную. Самая большая трудность была с брошюровкой: Мирек принес двузубую вилку, которой мы должны были пробивать эту толстую пачку бумаги, потом вынимать вилку, вставлять проволоку и всё оклеивать лентой. У вилки быстро разошлись зубья, и мы стали класть экземпляр на доску, вбивали два гвоздя, потом вынимали их клещами и вставляли проволоку. Работа продолжалась полтора месяца — разумеется, в те времена все занималось этим бескорыстно. Нас всё время торопили: читатели ждут.

— Теперь мой вопрос к главе коммерческого издательства: что значит сегодня конкретная работа? Есть у вас ощущение, что вы продолжаете ту же миссию?

— В большой степени — да. Мы могли бы, вместо того чтобы издавать серию “Стеклянные дома” или, например, отличную книгу Рафала Дуткевича “Новые горизонты”, уйти в чистую коммерцию. Кстати, случаются моменты, когда удается соединить образовательную миссию и коммерческий успех. Так было с книгой Томаша Лиса “Что с этой Польшей?”. Она вышла в подходящий момент. На встречи с автором приходили тысячи молодых людей. Это поколение когда-нибудь придет к власти, но не через партийные структуры. Оно проявится сначала на уровне муниципальных органов или неправительственных организаций и оттуда начнет свой путь в политический мир.

— Видели ли вы какие-то следы интеллигентской этики у этих людей?

— Безусловно. Они интересовались чем-то большим, нежели только работой и домом, одобряли общественную — что не значит политическую — активность. Однако не видно лидеров, которые могли бы эту молодежь ввести в общественную деятельность. Не видно людей, которые могут служить личным примером. Но когда есть потенциал, то и такие люди найдутся.

Эта молодежь развалит весь нынешний политический класс, на который мы сегодня обречены; при этом они не будут входить в существующие партийные структуры. Феноменальный успех Рафала Дуткевича во Вроцлаве или Войцеха Щурека в Гдыне на последних муниципальных выборах — явный сигнал

наступающих перемен. Местные сообщества начинают голосовать за компетентных людей, а не за партийных игроков.

Беседу вел Петр Мухарский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- “1 августа 1944 г. в 17 часов началось Варшавское восстание — битва за свободу столицы, и не только ее. Сегодня, спустя 63 года после того августовского дня, по всей стране завоюют сирены (...) 18 тысяч повстанцев и около 180 тысяч гражданских жителей Варшавы заплатили высочайшую цену за свой героический порыв. Тех, кто выжил, преследовали коммунистические власти, которые делали все, чтобы мы забыли о восстании и его участниках”. (“Дзенник”, 1 авг.)
- Согласно опросу ЦИОМа, “вступлению Польши в ЕС рады 72% поляков. 65% опрошенных считают, что вступление в ЕС не оказало существенного влияния на их жизнь. По мнению 26%, жизнь изменилась к лучшему, а по мнению 7% — к худшему”. (“Газета выборча”, 22 июня)
- “На саммите ЕС в Брюсселе (...) удалось прийти к компромиссу относительно нового базового договора, который должен заменить отвергнутую два года назад евроконституцию. По принципиальному для Польши вопросу методики подсчета голосов в будущем Совете ЕС было принято решение сохранить выгодную для нашей страны систему, принятую в Ницце, до 2014 года (...) Система „двойного большинства”, против которой выступала Варшава, начнет действовать после переходного периода лишь в 2017 году”. (“Тыгодник повшехный”, 11 июля)
- “Новый договор не должен проходить процедуру референдумов (...) Большая часть решений будет приниматься двойным большинством голосов („за” должно проголосовать большинство государств, представляющих большинство населения ЕС). Будет создана должность президента ЕС, избираемого на 2,5 года”. (“Дзенник”, 25 июня)
- “Министры обороны стран-членов НАТО поддержали строительство элементов ПРО в Польше и Чехии. Министры намереваются включить их в будущую оборонную систему союза”. (“Жечпосполита”, 15 июня)
- “Президент Лех Качинский посетил с визитом США. Из его высказываний после встречи с Джорджем Бушем следует, что

вопрос строительства в Польше элементов ПРО уже решен”.
 (“Тыгодник повшехный”, 29 июля)

• “Президент Лех Качинский посмертно наградил Рональда Рейгана орденом Белого Орла (...) Он подчеркнул, что награждает этим орденом бывшего президента США в знак признательности за свержение коммунизма и обретения поляками независимости”. (“Жечпосполита”, 18 июля)

• “Ядвига Новаковская, живущая в Варшаве на пл. Конституции: „Хорошо, что Банковая площадь уже не называется площадью Дзержинского. Произошли какие-то очевидные изменения. То, что осталось, — не более чем воспоминание. И этого трогать уже не надо” (...), „В Красной Армии служили простые люди, часто молоденькие мальчишки, погибавшие в боях. Это не были вожди, которые ввели у нас тот строй”, — говорит Станислава Чижевская с улицы Тарговой (...) Согласно опросу ГфК „Полония” (...) 60% поляков считают, что советские памятники и объекты не должны исчезнуть из польских городов. Эту идею поддержали только 10% опрошенных”. (“Жечпосполита”, 16-17 июня)

• “Блокбастер о советской армии в Афганистане формирует представление солдат НАТО о войне с талибами. Для одних „Девятая рота” Бондарчука — это инструкция, чего нельзя делать, для других... яд, ослабляющий волю к борьбе (...) Польские военные, которые с недавнего времени начали полномасштабную миссию в Афганистане, смотрят этот необыкновенно реалистичный фильм почти ежедневно (...) так как на собственной шкуре испытывают историю легендарной 9 й роты (...) Для польских солдат на миссии в Афганистане „Девятая рота” — это воинская инструкция”. (Збигнев Парафьянович, “Дзенник”, 30 июня)

• “Тридцать мальчиков из самых бедных афганских семей проводят каникулы на Балтийском побережье. Они в восторге. Еще никогда они не видели моря и таких зеленых деревьев (...) Они приехали из провинции Пактика — самой бедной и самой опасной. Именно там размещены польские войска, и именно наши военные решили пригласить детей в Польшу (...) В следующий раз мы хотим пригласить девочек, а третья группа будет смешанная”. (“Дзенник”, 7 авг.)

• Даниэль Ольбрыхский: “Когда в конце я вручил Путину мою книжку о Высоцком в русском переводе, он поблагодарил меня и сказал: „Вас тут называют польским братом Высоцкого”. „Господин президент, — продолжал я, — эта тоненькая книжечка читается быстро — в самый раз, чтобы убить время в

самолете из Москвы в Варшаву”. А он ответил, что мне надо поставить пятерку по дипломатии, и даже с плюсом”. (“Политика”, 14 июля)

- Проф. Ежи Помяновский: “Русская интеллигенция всегда сохраняла симпатию к Польше. Она не верит в самый живучий российский предрассудок, представляющий Россию осажденной крепостью, которую Запад только и ищет случая сравнить с землей. Более того, у нее есть ожидания в отношении Польши (...) В Польше русский язык уже не вызывает раздражения. С тех пор как к нам начали приезжать люди в гражданском, а не в мундирах, симптомы русофобии исчезли. Шовинистам с обеих сторон не удалось сделать из Польши дежурного врага России”. (“Ньюсуик-Польша”, 15 июля)

- Согласно опросу ЦИОМа о польско-российских отношениях, “33% опрошенных видят причину трудностей в том, что Россия не считает нас равноправным партнером, а 31% — в том, что она не может смириться с потерей влияния после распада СССР. По мнению 14%, виновата слишком жесткая политика Польши, а 5% — русофобия”. (“Газета wyborcza”, 29 июня)

- “Вчера Европарламент подверг Россию критике за использование экономического шантажа против соседей (...) Евродепутаты пришли к выводу, что Россия „использует средства торговой политики для достижения внешнеполитических целей”. Обратили они внимание и на „необоснованный запрет на ввоз мяса из Польши”, который, по их мнению, противоречит принципам ВТО”. (“Дзенник”, 20 июня)

- “В среду Польская нефтегазовая компания вступила в консорциум, строящий газопровод из Норвегии в Швецию и Данию (...) Сырье может начать поступать в Польшу в конце 2011 — начале 2012 года. „Это очередной этап осуществляемой компанией и правительством политики диверсификации поставок газа на польский рынок”, — подчеркнул министр экономики Петр Возняк”. (“Жечпосполита”, 21 июня)

- “О задержании белорусским КГБ пяти человек, якобы шпионивших в пользу Польши, сообщило российское информационное агентство „Интерфакс-Запад”. Четверо из них белорусы, а один — русский”. (“Тыгодник повсехный”, 22 июля)

- Радослав Сикорский, бывший министр обороны: “Рассуждая в категориях безопасности, необходимо рассматривать

намерения данного государства и возможности осуществления этих намерений. А военные возможности России всё растут. За последние пять лет ее оборонный бюджет увеличился на 350%, а сумма, выделяемая на заказы и модернизацию — на целых 700%. Такие изменения будут иметь ощутимые последствия через несколько лет. Что касается геополитических вопросов, то выход России из Договора об обычных вооруженных силах в Европе лишает нас права инспектировать российские базы, размещенные в Калининградской области. Если прибавить к этому размещение ракет С 300 на нашей границе — самое провокационное размещение оружия на границе НАТО за последние 25 лет, — то вырисовывается довольно мрачная тенденция. Мы — пограничная страна, но нам грозит опасность сделаться страной фронтовой”. (“Жечпосполита”, 4-5 авг.)

- Из беседы с супругой президента Марией Качинской: “Я бы хотела, чтобы наши отношения со всеми странами складывались как можно лучше. Госпожа Людмила Путина, супруга президента России, и госпожа Валентина Матвиенко, мэр прекрасного Санкт-Петербурга, открывали вместе со мной первый на территории России Польский дом. Это было великое событие и волнующее переживание как для меня, так и для наших соотечественников во всей России (...) Поездка в Петербург был особенно волнующей. Моя мама выросла в этом городе и до конца своих дней вспоминала его с огромной симпатией. В свою очередь у Людмилы Путиной есть воспоминания, связанные с Польшей, где она проходила практику в студенческие годы — сажала розы в ольштынском Кортове. Если она приедет в Польшу, мы обязательно организуем ей поездку туда”. (“Впрост”, 24 июня)

- Президент Литвы Валдас Адамкус: “В настоящее время польско-литовские отношения переживают лучший период за всю современную историю. Наше сотрудничество складывается превосходно (...) Поэтому мы крайне заинтересованы в том, чтобы Польша была как можно сильнее”. (“Дзенник”, 12 июля)

- “В субботу президент Украины Виктор Ющенко (...) прибывший на 25 й Праздник лемковской культуры (...) встретился в деревне Здыня в Низких Бескидах с лемками из разных стран мира (...) В этом году праздник совпал с 60 й годовщиной операции „Висла”, в ходе которой коммунистические власти выселили лемков в западные и северные регионы страны (...) Ющенко первым потянул за шнур нового колокола, отлитого по заказу лемков. „Мы назвали его колоколом мира, чтобы он был предостережением от

тоталитарных систем”, — объяснил председатель Объединения лемков Стефан Гладык (...), „Для Украины Польша — стратегический партнер, а также честный, преданный и открытый друг”, — сказал президент Ющенко”. (“Жечпосполита”, 23 июля)

• “Ежегодно британский фонд „New Economics” изучает уровень счастья в мире (...) На этот раз он провел исследования в 30 европейских государствах (...) Польша с 34 процентным показателем счастья опередила Венгрию и Чехию. По мнению социологов, 19 е место — это совсем неплохо (...) Как показывают другие опросы, оптимизм поляков растет. Согласно опубликованному вчера докладу „Евробарометра”, почти 80% опрошенных заявляют о своей удовлетворенности жизнью. Это на 30% больше, чем в 2004 году”. (“Жечпосполита”, 19 июля)

• “ „Впервые начиная с 1997 г. в стране возросла удовлетворенность общества”, — комментирует психолог проф. Януш Чапинский отчет „Общественный диагноз 2007” (...) Только 5% общества считают, что власть как-либо влияет на индивидуальные достижения граждан (...) Только 23% опрошенных придерживаются мнения, что демократия предпочтительнее других форм правления, а 14,9% считают, что иногда недемократическое правление может быть лучше (...) Более чем в половине домашних хозяйств имеются компьютеры, 39,2% из которых подключены к Интернету (...) Что сегодня объединяет поляков? Систематически растущая уверенность, что власть им не нужна, а обществу, т.е. всем остальным гражданам, нельзя доверять (...) В результате в Польше наблюдается парадоксальная ситуация: систематически растет человеческий капитал, т.е. уровень квалификации и компетентности отдельных людей, в то время как общественный капитал остается на неизменно низком уровне”. (Эдвин Бендык, “Политика”, 30 июня)

• “По данным Главного статистического управления (ГСУ), в 2006 г. почти в трети польских домашних хозяйств был DVD-плеер, почти в трех четвертях — мобильный телефон, а в половине — автомобиль (...) В 2006 г. средний располагаемый доход на человека в домашнем хозяйстве (после вычета налогов и взносов) реально вырос на 8,5% и составил 835 злотых”. (“Газета wyborча”, 27 июня)

• “За последние полгода в Польше появилось 147 тыс. новых предприятий (...) Число зарегистрированных фирм со штатом до 10 человек было на 25 тыс. больше, чем в 2005 году (...) В

первом полугодии свою деятельность закончили 136 тыс. микрофирм”. (“Дзенник”, 3 июля)

- “Топливная компания Рышарда Краузе „Петролинвест”, которая уже почти год назад получила лицензию на разведку нефти в России и Казахстане, купила 50% акций российской группы добывающих фирм. Объем принадлежащих им подтвержденных месторождений сырья достигает 35 млн. баррелей”. (“Дзенник”, 28-29 июля)

- “Из 1,78 млн. польских крестьянских хозяйств лишь 200–300 тысяч обладают экономическим потенциалом, сравнимым с аналогичным показателем в Западной Европе. Именно на них должно делать ставку государство — ведь они двигают вперед польское сельское хозяйство. Но что бы тогда сказали владельцы полутора миллионов мелких хозяйств? (...) На результаты парламентских выборов влияют скорее мелкие, а не крупные хозяйства (...) Более 1,1 млн. хозяйств годятся разве что для показа в этнографическом музее. Зато из оставшихся 745 тысяч выделяются 225 тысяч, которые не только сравнимы с европейскими фермами, но и превосходят их по многим параметрам. В пользу того, чтобы дать им шанс на развитие, говорят экономические аргументы, против — политические (...) Но поскольку в Польше политические расчеты уже много лет подряд выигрывают битву с экономическими, выбор политиков очевиден”. (Иоанна Сольская, “Политика”, 28 июля)

- “Во вторник Евростат официально сообщил, что польская безработица ниже словацкой (...) В мае в Словакии уровень безработицы составил 10,8%, в то время как в Польше — „только” 10,5% (...) В Польше безработица падала быстрее всего (...) В Брюсселе признают, что падению уровня безработицы в Польше способствовала, в частности, политика польского правительства”. Во Франции уровень безработицы составляет 8,7%, в Греции — 8,6%. (“Газета выборча”, 4 июля)

- “В июне средняя зарплата на предприятиях (составившая почти 2870 злотых) выросла на целых 9,3% по сравнению с июнем 2006 года. Значительно увеличилась также занятость, а найти квалифицированных работников стало труднее. В настоящее время трудности с их поиском испытывает каждая восьмая фирма”. (“Политика”, 28 июля)

- “С 20 июля с.г. иностранец, работающий не более трех месяцев в течение полугода, не обязан получать разрешение на работу в Польше. Теперь сезонных рабочих можно принимать на работу во всех отраслях”. (“Политика”, 21 июля)

- “Согласно анализу Bureau for Investment and Economic Cycles (BIEC), в результате быстрого роста зарплат постепенно ухудшается финансовое положение польских предприятий”. (“Дзенник”, 31 июля)
- “Растущее благосостояние поляков становится все более опасным для экономики. Мы покупаем так много, что вскоре промышленность не будет поспевать с производством. Это может привести к росту инфляции и подорожанию кредитов (...) В июне объем розничных продаж увеличился на целых 16,2% по сравнению с тем же периодом 2006 года”. (“Жечпосполита”, 25 июля)
- “В июне годовой темп роста цен составил 2,7% — значительно больше, чем в мае (...) В июне инфляция была на 0,4% выше, чем в мае, и впервые с апреля 2005 г. превысила границу, установленную Польским национальным банком (ПНБ) на уровне 2,5%”. (“Жечпосполита”, 3 июля)
- “Совет монетарной политики уже второй раз в этом году повысил процентные ставки”. (“Тыгодник повшехный”, 8 июля)
- “Министр финансов Зита Гилёвская добилась, пожалуй, крупнейшего экономического успеха за время правления „Права и справедливости” (ПиС): после первого полугодия 2007 г. бюджетный дефицит составляет всего 3,7 млрд. злотых. Это означает, что расходы превысили доходы только на 3%. Такого низкого дефицита в Польше еще не было (...) Превосходное состояние бюджета на этот год объясняется главным образом высокими доходами, связанными с ускорением экономического роста”. (Михал Зелинский, “Впрост”, 29 июля)
- “По некоторым оценкам, налоговые управления ежегодно получают несколько сот тысяч анонимок. Однако в этом году в некоторых регионах страны отмечен 50 процентный рост числа доносов (...) Беспокойство вызывает и изменение формы доносов (...) Мы уже не только пишем, что сосед разбогател, но и добавляем, что он смеется над президентом”. (Виолетта Озминковски, “Ньюсуик-Польша”, 17 июня)
- “Лех Качинский тратит на свою канцелярию (...) 168 млн. злотых. Бюджет канцелярии Леха Валенсы составлял 22 млн. злотых, а Александра Квасневского — 99 млн. (...) Расходы на канцелярию трех премьер-министров: Ежи Бузек — 73 млн. злотых, Лешек Миллер — 76 млн., Ярослав Качинский — 106 млн.”. (“Газета wyborcza”, 5 июля)

- “В качестве подарка на день рождения радиостанция RMF FM купила Леху Качинскому и его брату Ярославу участок на Луне. По заверениям радиостанции, участок площадью 80 аров находится в „симпатичном месте с видом на Землю”. 18 июня премьеру и президенту исполнилось по 58 лет. Подарок политикам выбрали слушатели радио RMF (...) „Они смеются над тем, что было 46 лет назад”, — сказал удивленный президент. Дело в том, что в возрасте 12 лет оба брата выступили в нашумевшем фильме „Двое, украсившие луну””. (“Газета wyborcza”, 20 июня)

- “„Меня грозились уволить с работы в худшие пээнэровские годы. Тогда я не сломался, значит сейчас, в свободной Польше, я тем более не позволю себя запугать”, — заявил уволенный опольский прокурор Юзеф Некравец. Некравец был уволен, когда Опольская прокуратура начала допрашивать лидеров местного Пис”. (“Газета wyborcza”, 11 июля)

- Из резолюции IX Ежегодной конференции Общества прокуроров РП: “В число главных предусмотренных законом принципов польской прокуратуры входят: запрет на партийную принадлежность прокуроров, запрет на участие в какой бы то ни было политической деятельности, а также обязанность руководствоваться принципом беспристрастия и равного отношения ко всем гражданам (...) Это объясняет наше критическое отношение к любым действиям или бездействию, сводящим польскую прокуратуру к роли исполнителя партийных программ и политических решений (...) Мы — прокуроры Республики Польша, а не партий, правительств или министров”. (“Газета wyborcza”, 5 июля)

- “Прокуратура отказывается предоставить какую-либо информацию о расследовании, предпринятом после призыва Общества прокуроров не поддаваться политическому давлению (...) Неделю назад Варшавская окружная военная прокуратура в течение 2,5 часов допрашивала председателя Общества прокуроров Кшиштофа Парульского”. (“Газета wyborcza”, 31 июля)

- “Вчера свое мнение высказала Ассоциация польских юристов (АПЮ): „Мы выражаем решительный протест против действий, направленных на ограничение свободы высказывания членов Общества прокуроров РП, а также против репрессивных мер в отношении прокуроров — членов Общества (...)”, — написали в письме министру юстиции [и генеральному прокурору; в Польше эти посты совмещаются — Ред.] Збигневу Зёбро представители руководства АПЮ”. (“Газета wyborcza”, 12 июля)

- “Уполномоченный по правам человека Януш Кохановский попросил президента наложить вето на закон, ужесточающий контроль министра юстиции над судами”. (“Газета wyborcza”, 12 июля)
- “Президент Лех Качинский подписал дополнения к закону об устройстве гражданских судов, ужесточающие контроль министра юстиции над судами (в частности, дающие министру возможность отстранить судью и лишить его иммунитета в течение 24 часов)”. (“Тыгодник повсехный”, 29 июля)
- Премьер-министр Ярослав Качинский: “Обязанность судов — действовать в польских национальных интересах”. Первый председатель Верховного суда Лех Гардоцкий: “Это призыв к нарушению закона”. (“Тыгодник повсехный”, 5 авг.)
- “„Статья 203 Уголовного кодекса, дающая суду возможность отправить практически каждого на обследование в закрытое отделение психиатрической больницы, не соответствует основному закону”, — постановил Конституционный суд. Теперь у Сейма есть 15 месяцев на изменение этой статьи”. (“Дзенник”, 12 июля)
- Марек Сафьян, бывший судья и председатель Конституционного суда: “Об отрицательных последствиях действий, направленных против Конституционного суда, говорилось уже неоднократно, но есть и достойный внимания положительный результат. Опросы общественного мнения показывают систематический рост авторитета КС. Однако цена этого своеобразного урока демократии высока, и есть сомнения, стоит ли ее платить. Послание власти оставляет след в сознании граждан. Трудно ожидать уважения граждан к институту правового государства, если в действиях правящих кругов это уважение отсутствует”. (“Ньюсуик-Польша”, 1 июля)
- Лешек Бальцерович: “Я не вижу политической угрозы демократии, понимаемой как строй, при котором власть сменяется в результате регулярных и свободных выборов (...) Демократии угрожают не политические группировки, а пассивность значительной части общества, включая образованных людей (...) Зато я вижу серьезную угрозу законности. Пис, „Самооборона” и „Лига польских семей” практически не считаются с конституцией, то есть не считаются с законом. Они цинично принимают заведомо неконституционные или противоречащие европейскому законодательству законы. В Польше это никогда не происходило в таком масштабе. Когда Конституционный суд

отклоняет эти законы, начинаются жесткие атаки на него. Постановления суда не выполняются”. (“Газета выборча”, 23–24 июня)

- “У Польши все больше проблем с приведением законодательства в соответствие нормам ЕС. В европейских инстанциях идут процессы уже по более чем ста таким делам (...) Борьба с Европейской комиссией в Европейском суде справедливости почти безнадежна — обычно Еврокомиссия выигрывает 80–90% таких споров (...) Еврокомиссия установила минимальные ставки штрафов для отдельных государств в зависимости от их платежеспособности. В случае Польши это 3,61 млн. евро и дополнительный штраф за нарушение установленного Европейским судом справедливости срока приведения законодательства в соответствие европейским стандартам (от 4,3 до 260 тыс. евро за каждый день задержки)”. (“Дзенник”, 6 авг.)

- Проф. Павел Спевак, депутат Сейма от “Гражданской платформы” (ГП): “В настоящее время Польшей правят радикалы, но, оказывается, поляки очень неплохо справляются с такой ситуацией (...) Традиция независимости, индивидуализма и польской предприимчивости (...) полностью себя оправдывает (...) Более того, оказалось, что ранее созданные институты — например банковская, налоговая или страховая системы — работают практически без перебоев, регулируя нашу жизнь (...) Настоящий парламент — не тот, который принимает законы, а тот, в котором идут важные дискуссии, — это печать”. (“Дзенник”, 21 июля)

- Проф. Ежи Регульский, один из главных архитекторов польской территориальной реформы: “То, что явка на выборы в органы местного самоуправления даже выше, чем на общепольские, — огромный успех местных лидеров. Люди чувствуют, что местная власть обеспечивает Польше высокую стабильность (...) Однако политические структуры создали столько конфликтов, что чувство опасности будет расти. Когда власть так себя ведет, люди начинают ее бояться! Впрочем, в один прекрасный день наступит кульминация этой напряженности, и сработает правило банановой кожуры”. (“Ньюсуик-Польша”, 12 авг.)

- “Местные власти охотно и быстро прокладывают новые тротуары и улицы, ремонтируют их покрытие, реставрируют репрезентативные здания, потому что все это хорошо заметно (...) Капиталовложений в свалки, очистные станции или утилизацию отходов никто не увидит и не оценит (...) Во многих районах Польши леса, реки и озера рассматриваются

как места, куда можно свалить грязь и мусор (...) Нам должно быть стыдно (...) что за спасение долины Роспуды взялся лишь Евросоюз”. (Януш А. Майхерек, “Тыгодник повсехный”, 12 авг.)

- “200 тыс. паломников прибыло на Ясную Гору в Ченстохове на торжества в честь 15 летия радио „Мария”. Присутствовали, в частности, премьер-министр Ярослав Качинский, а также вице-премьеры Пшемислав Госевский, Роман Гертых и Анджей Леппер. „Как тут не радоваться, когда с нами польское правительство”, — приветствовал их [директор радиостанции] о. Тадеуш Рыдзык”. (“Тыгодник повсехный”, 15 июля)

- “Вид премьера и всех вице-премьеров, ищущих у алтаря расположения какого-то нового Распутина, не настраивает на оптимистический лад”. (Адам Загаевский, “Газета wyborcza”, 14-15 июля)

- “Вчера на Ясной Горе открылась Европейская конференция экзорцистов (...) Цель конференции (...) обмен опытом по изгнанию злых духов”. (“Дзенник”, 10 июля)

- “9 июля журнал „Впрост” опубликовал фрагменты лекции о. Тадеуша Рыдзыка в [основанном им] Высшем училище общественной и медийной культуры. Мария Качинская — это ведьма, которая должна совершить эвтаназию, президент — это лгун, идущий на поводу у еврейского лобби (...) — учил студентов отец-основатель”. (“Тыгодник повсехный”, 22 июля)

- Из интервью премьер-министра Ярослава Качинского Польскому радио: “Я этим особо не занимался, поскольку этот вопрос, хоть и неприятный, особенно для президента и его жены, не имеет большого политического значения”. (Третья программа Польского радио, 13 июля)

- “Центр им. Визенталя в Лос-Анджелесе призвал Папу Бенедикта XVI снять о. Рыдзыка [с занимаемых им должностей] в связи с его антисемитскими высказываниями”. (“Жечпосполита”, 11 июля)

- “Посол Израиля в Варшаве Давид Пелег призвал польское правительство и Церковь осудить высказывания о. Тадеуша Рыдзыка, которые он назвал „самыми антисемитскими после 1968 года””. (“Жечпосполита”, 31 июля)

- “Отец Тадеуш Рыдзык не будет наказан за оскорбительные высказывания в адрес президентской четы и антисемитские аллюзии. Орден редemptористов стал горой за директора радио

„Мария” (...) Медийный концерн, созданный торунским редемптористом, — главный источник дохода ордена. Имущество же концерна принадлежит фонду, полностью контролируемому о. Рыдзыком”. („Жечпосполита”, 24 июля)

• “Институт национальной памяти (ИНП) возбудил следствие по делу об антисемитских выступлениях властей ПНР в марте 1968 года. „Это единственный случай в истории Польши, когда антисемитизм был официальной государственной политикой”, — сказал известивший ИНП о факте преступления Ярослав Новак, советник президента (мэра) Лодзи по делам еврейской диаспоры”. („Тыгодник повшехный”, 5 авг.)

• “Был кадиш, т.е. молитва за умерших, и были горящие свечи в том месте, где 66 лет назад польские жители Едвабне убили своих еврейских соседей. Вчера, в годовщину убийства, у памятника жертвам собрались представители еврейских общин и 200 военнослужащих израильской армии, находящихся в Польше с визитом. Как и в прошлые годы, траурные торжества бойкотировали местные власти и жители Едвабне. Не появились и представители правительства, а канцелярия президента прислала венок”. („Газета wyborча”, 11 июля)

• Вчера в Варшаве на территории бывшего еврейского квартала, перед памятником Героям гетто, в том самом месте, где 64 года назад прозвучали первые выстрелы восстания в гетто, состоялась торжественная закладка Музея истории польских евреев. В торжествах приняли участие, в частности, президент Польши Лех Качинский, посол Израиля Давид Пелег, президент Варшавы Ханна Гронкевич-Вальц, бывшие президенты Германии и Польши Рихард фон Вайцзеккер и Александр Квасневский, главные раввины Тель-Авива и Польши Меир Лау и Михаэль Шудрих, а также митрополит Варшавский архиепископ Казимеж Ныч. „История польских евреев — это часть истории моей страны, часть истории моего народа, требующая памяти и уважения”, — сказал президент Лех Качинский. („Дзенник”, „Газета wyborча” и „Жечпосполита”, 27 июня)

• “В конце июля отправится в путь Международный табор памяти цыган (...) В таборе будут ехать цыгане из Польши и из-за границы, путешествующие в традиционных повозках, запряженных лошадьми (...) Его трасса пройдет по местам массовых захоронений цыган, убитых немецкими оккупантами”. („Дзенник”, 7-8 июля)

- “Первый в Польше букварь для цыганских детей (...) издан при содействии средней школы №1 в Гожуве, где уже долгие годы учатся дети цыган. Школа участвует в правительственной программе помощи цыганской общественности”. (“Дзенник”, 5 июля)
- “Впервые за последние сто лет в Крушинянах прошел татарский праздник Сабантуй (...) На праздник, подготовленный подлесскими татарами, приехало несколько сот человек со всей Польши (...) В Польше живет несколько тысяч татар”. (“Дзенник”, 25 июня)
- “За нападение в мае 1983 г. на созданный примасом [почетным главой польской поместной Церкви] Комитет помощи заключенным два бывших офицера милиции, Эдвард Мишталь и Януш Смага, отправятся за решетку. Вчера Варшавский кассационный суд окончательно приговорил их к реальному лишению свободы. Мишталь проведет в тюрьме 2,5 года, а Смага — на полгода меньше”. (“Жечпосполита”, 5 июля)
- “К 3,5 годам лишения свободы приговорил вчера Вроцлавский окружной суд Яна М. Этот бывший милиционер был последним обвиняемым по делу о резне в Любине [в Нижней Силезии] в 1982 году. Т.н. любинский процесс продолжался 15 лет. Речь шла о кровавой расправе милиции с оппозиционной манифестацией „Солидарности” 31 августа 1982 года”. (“Газета wyborча”, 18 июля)
- Согласно опросу ГфК “Полония”, в начале августа за ГП намеревались проголосовать 36% поляков (что дало бы ей 223 места в Сейме), за ПиС — 22% (139 мест), за “Левых и демократов” — 11% (68 мест), за “Лигу польских семей” и “Самооборону” — по 5% (по 28 мест), за крестьянскую партию ПСЛ — 4%. Избирательный барьер составляет 5%. (“Жечпосполита”, 11–12 авг.)
- “„Самооборона” и „Лига польских семей” создали учредительный комитет новой политической группировки — „Лиги и Самообороны” (ЛиС), которая (...) по мнению комментаторов, должна попросту помочь партиям, балансирующим на грани проходного барьера, вместе пройти в парламент”. (“Тыгодник повшехный”, 29 июля)
- “Во всех своих политических заявлениях, касающихся международной политики, „Лига” и „Самооборона” имели обыкновение демонстрировать понимание государств, расположенных к востоку от Польши, и волю к сотрудничеству с ними. Причем это была отнюдь не Украина, а Россия и

Белоруссия (...) Трудно представить себе, что такая линия способна привлечь широкие массы избирателей”. (Барбара Федышак-Радзеёвская, “Жечпосполита”, 16 июля)

- Антон Борковский, известный украинский публицист: “С одной стороны мы слышим, что Польша — адвокат Украины на международной арене. С другой — мы знаем Анджея Леппера, связанного с организациями, которые действуют в интересах совсем другого государства”. (“Жечпосполита”, 26 июля)

- “Причиной отставки лидера „Самообороны” Анджея Леппера с поста вице-премьера и министра сельского хозяйства стали показания задержанных Центральным антикоррупционным бюро Петра Р. и Анджея К., которые утверждают, что министр сельского хозяйства требовал взятку за передачу под застройку живописно расположенного сельскохозяйственного участка площадью 40 га в гмине Мронгово на Мазурах”. (“Жечпосполита”, 10 июля)

- “Прокуратура утверждает, что он изнасиловал женщину, другую женщину склонял к половому общению, обещая взамен взять ее на работу, а потом принуждал сделать аборт, еще к двум приставал с сексуальными домогательствами (...) Кроме того, он планировал похищение своего партнера по бизнесу с целью выкупа. Все эти обвинения услышал депутат „Самообороны” Станислав Лыжвинский через два дня после того, как его товарищ по партии Анджей Леппер, подозреваемый в получении гигантской взятки, был отправлен в отставку с поста вице-премьера и министра сельского хозяйства”. (“Тыгодник повсехный”, 22 июля)

- “Европейская комиссия обратилась к польским рыбакам в Балтийском море с требованием немедленно прекратить лов трески. „Ваши рыбаки отловили в три раза больше трески, чем было вписано в их официальных декларациях”, — сказала Мирей Том, пресс-секретарь комиссара ЕС по рыболовству и морским делам Джо Борга. Из-за продолжающегося десятилетиями промышленного лова балтийская треска оказалась на грани вымирания”. (“Газета выборча”, 10 июля)

- “Не 72, как хотела Польша, а 124 зоны особой охраны птиц, которые займут более 14% сухопутной территории страны, будет создано в Польше в рамках сети „Натура-2000”. Таков эффект действий Еврокомиссии, которая пригрозила Польше передачей дела в Европейский суд справедливости”. (“Дзенник”, 18 июля)

- “Вплоть до решения Европейского суда справедливости строительство объездной дороги вокруг Августова в долине Роспуды не будет начато. Такое решение принял премьер-министр Ярослав Качинский. Ранее Европейская комиссия обратилась в суд с требованием приостановить работы”. (“Тыгодник повшехный”, 12 авг.)
- “До конца 2014 г. Польша должна повысить уровень использования вторичных ресурсов с нынешних 48% до требуемых в ЕС 60%”. (“Дзенник”, 25 июня)
- “В наше распоряжение попал первый всепольский отчет об утилизации использованных электроприборов (...) Во второй половине прошлого года, т.е. спустя шесть месяцев после вступления закона в силу, фирмы собрали около 5 тыс. тонн старой техники. Это лишь 2% техники, выпущенной на рынок”. (“Жечпосполита”, 5 июля)
- “С нового года в Польше должна появиться экологическая полиция. Вооруженные и одетые в форму сотрудники смогут, в частности, проверять документы и задерживать машины для контроля (...) Это огромный прорыв в борьбе с теми, кто не считает нужным соблюдать правила охраны окружающей среды”. (“Дзенник”, 6 июля)

Йонаш Кофта

СТИХИ И ПЕСНИ РАЗНЫХ ЛЕТ

В четырёх стенах мира

Перед стеной звука глухие тоже

Молятся музыке немо

Когда не хочешь, а должен,

Лучше уж быть никем

Перед стеной плача шуты на страже

Пляшет судорог тень

А смех их пуст, смех их страшен

Лучше уж быть никем

Перед стеной света стоят слепые

Смотрят не щуря век

На то что лучше знают святые

Чем простой человек

Под стеной казни стоит герой

Карателям глядя в очи

Курит последний окурок свой

У края ночи

Стены мира

Уходят ввысь

Слово теряет смысл

И я стою перед вечной стеной

Бьюсь в неё головой

Я устал

Во мне пересыхает вера
Инстинкт и тот уже подводит
А сколько слов ненужных, серых
Тревога злобой колобродит
Хочу сбежать — звучит наивно
Хочу сбежать — да хоть в пустыню
— Ты так устал?

Устал

Всё минет

Кто остановит жёрнов слова?
Вот-вот остатки правды смелет
Косноязычный сброд и снова
Тузы над нами власть поделят
А примирит непримиримых
День когда солнце не взойдёт
— Ты так устал?

Устал

Пройдёт

Уже нет времени, нет снов
Ум оглушён речей угаром
А глупость разжирев от слов
Рыгает: мане, текел, фарес
Весь мир накрыл девятый вал
Никто спасения не хочет
— Ты так устал?

Да

Очень

Зонг об отсечённой голове

Мысли отсечённых голов

Прямо с плахи, из-под топора —

Будто лава кровавых слов

Запекшихся завтрашних правд

Мысли отсечённых голов

Остаются в них навсегда

Как сознание бытие превзошло

Не прочесть по гримасе рта

Да, свободна, свободна мысль

Но велик, ох велик страх

Бытие с сознанием

Разошлись

Мозг и зад

Разрывают пакт

Прямо с плахи, из-под топора

Бурей рвётся посеянный ветер

И вот в фаворе опять голова

Тусклый нимб над теменем светит

Мысли отсечённых голов

Навсегда остаются в них

Украшают алтарь и под грозный рёв

Повторяют парадов ритм

Когда до тебя донесётся стон

Еретических бледных губ

Уши заткни

И не лезь на рожон

Если дорог тебе

Твой круп

Межвременье

Залива раму волны режут

Песок просеивает ветер

И никого кругом. Всё реже

След человеческий заметен

Хожу и собираю мусор

Останки отгоревших лет

Но дети солнца лишь смеются

Что им тех дат туманный след

История остановилась

Мозгами управляет сон

И время тяжким сном забылось

Межвременье — король времён

Здесь в трёх стихиях каменей

Миф об Аркадии сокрыт

Я радоваться не умею

Меня одолевает стыд

Ищу обрывки упаковок

По мне хорош любой клочок

Идеи иль обрывок слова

Здесь много мусора ещё

История остановилась

Мозгами управляет сон
И время тяжким сном забылось
Межвременье — король времён
Я не хочу
Хоть разум чист
Как чисто поле
Долг перед правдой вечен будет
Я не хочу
Бежать от боли
Ведь
Все мы — люди
Вновь суматохи буден прибыло
В года секунды спрятаны
По совести так труден выбор
А к смерти путь накатан
Пока беда
Кровавой тучей
На сытых
Не обрушит мечь
Надежда ты меня не мучай
Довольно что ты
Есть
Конец ли света кто ускорит
Или начало кто отпразднует
Я не хочу
Бежать — не горе

Что все мы
Разные
А разум чист
Как чисто поле
И пусть меня за дерзость судят
Не надо
Убегать от боли
Коль
Все мы — люди
Помечтаем
Чтобы что-то случилось
Чтобы страх нас оставил
И любовь нам явилась
Помечтаем
Чем бросаться словами
Лучше воском растаем
Из огня — да и в пламя
Помечтаем
Улетают как листья
Календарные стаи
Всюду серо и мглисто
Помечтаем
На сквозном бездорожье
Мы судьбу обыграем
Счастье всё же возможно
Помечтаем

Волны вечного света
Тоску размывают
Будем помнить об этом
Помечтаем
Так будет лучше
Не надолго нам хватило
Нашей радости летучей
Уходя скажу я милой
Не грусти
Так будет лучше
Хоть и вправду полюбил я
Зелень глаз твоих колючих
Парусов ещё не сбило
Ты поверь
Так будет лучше
Плохо многим добрым людям
Их любовь — несчастный случай
Эта боль тебя разбудит
Говорю
Так будет лучше
Ну зачем нам плавать в луже
Ну зачем друг друга мучать
Знаю сам что будет хуже
Но твержу
Так будет лучше
Песнь спасения

Взглянул я солнцу в ясны очи
И боль меня пронзила
Я онемел а жизнь клокочет
Любви жестокой силой
Молчанье свет на тьму расколет
Стокаменной стеной...
Поделись со мной своей болью
Поделись со мной
Вечна горя и бед череда
От смерти спасает песня
Красота — это боль всегда
Мы выстоим только вместе
Цветы поднимутся в выжженном поле
Ласковой тихой волной
Поделись со мной своей болью
Поделись со мной
Сплетём ладони в десять пальцев
Да сгинет глумливый смех
Радости на всех не хватит —
Боли хватит на всех
Выпадет праздник и нам на долю
Весельем прогоним грусть
Поделись со мной своей болью
А я с тобой поделюсь
Пурпур розы запёкся солью
Но ты храни её пламя

Поделись с нами болью

Поделись с нами

Безлюдье вырвалось на волю

Ты тишиной изранен

Поделись с нами болью

Поделись с нами

Сквозь океана зыбкие рамы

Сквозь голода чёрную месть

Гордо носи человечности шрамы

И понимания крест

Красота — лишь отчаянье мира, не более

Но она тяжелей чем камень

Поделись с нами болью

Поделись с нами

Размышления на вокзале

На всех вокзалах мира

В буфетах и на перронах

Любой разговор о жизни

Остаётся незавершённым

Хоть все пассажиры разные

Различья искать не стоит

Ведь на вокзале каждый

Становится пустотой

Здесь — всё как везде

Счастье, несчастье

Разве что ночь и день

Сменяются чаще
На всех вокзалах мира
Далёких дорог притяженье
Катить по рельсам судьбы —
Наше предназначение
Прощания и возвращенья —
В сумме нулей звон
Кому-то жизнь как поезд
Кому-то как перрон
Входят, выходят, мелькают
Пьют пиво (а как иначе)
Приезжают и уезжают
Плачут
Друг друга теряют, находят
У ожидания во власти
Глотают их и выплёвывают
Вокзалов стодверные пасти
Движение происходит
По расписанью бреда
Поезд уходит —
Я не поеду
Зонг о вечном счастье
Последний на земле Икар
Вчера за мысом пал на дно
Спокоен солнца ровный жар
И всем отныне всё равно

На белом дне там где-то спит он
Под чёрным рыбьим плавником
Ещё глаза его открыты
Он улыбается легко
Безумец воровал покой
Не верил в счастье обречённых
Теперь под солнцем всем легко —
Блаженство мёртвого сезона
На пляже том всегда сезон
Никто ничем не обойдён
Все существуют, все лежат
И небеса им не грозят
Лазурью просияла высь
Погода
Радость
Игры
Жизнь
Икар последний отшумел
Накрыт волны холодным веком
И полегчало человеку
Когда он падал, он горел
Взмыл пара серебристый клуб
Ударил в воду крик его
Сомкнулась океана глубь
Над плоской тишью — никого
Изгладился безумца след

В мозгах зверушек обречённых
Теперь на солнце пятен нет —
Блаженство мёртвого сезона
Лишь тот навеки проклят стал
Кто памяти не потерял

Остров

Когда шумихи перегар
В толпе людской сосредоточится
На свете лишь один товар
Бесценен — одиночество
В тоске о тишине бредём
На дальний остров убегаем
Но лишь поселимся на нём
Он тут же станет обитаем
И страх нацелится в висок
Неволя дня, бывшего след
Ах как красиво лёг песок
Там где нас нет

Перевод Андрея Базилевского

САДЫ, КОТОРЫХ ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ

“Меня одолевает стыд...” Эти слова Йонаша Кофты мы склонны сегодня относить ко всей действительности ПНР, на фоне которой и внутри которой ему выпало жить. Он занимал в этой действительности место — что ни говори, привилегированное, — как личность, приписанная к цеху свободных искусств. Бард, поэт, певец — даже в том сером и до абсурда бюрократизированном мире он все же имел некоторую возможность выразить свою индивидуальность, несогласие, наконец — свой бунт, который был зримым знаком протеста. Упоминание о мертвом сезоне, о времени блаженства после падения последнего мятежного Икара в его “Зонге о вечном счастье” не оставляет никаких иллюзий. Система — чтобы сохранить себя — накладывала свое клеймо не только цензурой, страхом и насилием. Прежде всего она создавала фиктивное время, ритуализованный до пределов возможного календарь, в котором серую действительность то и дело прерывали праздники — дни шахтера, металлурга, работника лесной промышленности, общественные почины, наконец — направляемые свыше кампании. Случалось и так, что кампании превращались в карательные акции, когда кто-нибудь пытался вдохнуть в мертвый сезон малость неконтролируемой жизни, то есть правды. Как в 56 м, 68 м, 70 м, 76 м. Кофта, вообще-то далекий от буквализма, дал в “Серой поэме” жесткий портрет янычара той системы, знаменитого “простого человека”, который по заказу властей демонстрирует народный гнев:

Бушлатник — броненосец — голем

Мчит по картофельному полю

В кровавой пустоте без Бога

Он в кирзаче волочит ногу

В руке сжимая кол тяжёлый

Ему вручённый властью голой

(Здесь и далее пер. А.Базилевского)

Добавим, что голем, претерпевая различные мутации — от памятного ормовца, дружинника 68 го года, до бригадира отряда ЗОМО [части типа ОМОНа] 80 х, — оставался все тем же элементом системы. Элементом, рожденным бедностью, страхом, ненавистью и разочарованием. Как при этом мог сохраниться человек столь порядочный, тонкий, одаренный лирическим талантом — Йонаш Кофта?

“Тень золотая, будь со мной”, — красивой апострофой Кофта обращался к Рембо, именуя французского поэта своим ангелом-хранителем. Выбор покровителя на жизненном пути был не случаен. Несомненно больше, чем версификация, здесь действовал вечно живой миф бунтаря, поэта, бросающего вызов циничному миру стяжателей и карьеристов. Не только словом, но избранным стилем жизни. Бегством от стабильности, поиском альтернативных миров. На вопрос, можно ли идти путем Рембо, не покидая, как он, отчизны ради Леванта или Африки, Кофта отвечает утвердительно. Ведь для того, чтобы оказаться на борту “Пьяного корабля”, надо только превратить жизнь в поэзию, а поэзию сделать жизнью. Такой шаг в ПНР не был чем-то исключительным, но и тут Йонаш Кофта ощутил мучительный холод одиночества. В эпохи очередных стабилизаций бунт сильно подешевел, художники, именовавшие себя богемой, желали “Крыть все карты чисто / Иметь доступ к кассам / Популярность в массах / И своё лицо / И любовь отцов / А вдобавок быть нонконформистом”.

Бесчисленные анекдоты, героем которых с течением лет стал Йонаш Кофта, показывают и показывают нам человека в равной степени взвихренного алкоголем, поэзией, любовью, страстным отношением к жизни и искусству как единству, которое он воспринимал с принципиальной серьезностью. При этом верный ученик Рембо не питал иллюзий относительно отношений художника и общества. Социалистическое или торгашеское — оно одинаково третирует непокорных индивидуалистов. “Старик Рембрандт” — одно из интереснейших стихотворений Кофты — повествует о мастере, потерпевшем крах, отвергнутом, пренебрегаемом: “Увы, они как видно правы / Я старый дурень, я рехнулся / Башкой в салфетку завернулся”. Рембрандт Кофты напоминает Рембрандта из романа Джозефа Хеллера “Нарисуй это”. Мастер, у которого нет средств выкупить свое полотно, унижен этой ситуацией, но он создаст великолепные шедевры. Уже не по заказу цеха суконщиков, а по собственной потребности и вдохновению. Из подобной потребности выростала лирика Кофты. Написанная всегда словно после катастрофы, пропитанная горечью, правда, освещенная иронией и юмором,

она неизменно — как в упомянутом стихотворении о Рембрандте — оставалась “меж светом и тенью”.

Для университетских теоретиков или историков литературы такая поэзия, как творчество Кофты, остается казусом пограничным, периферийным. В лучшем случае — певец из кабаре, скорее текстовик, в конце концов, возможно, поэт. Такой подход заранее предполагает меньшую жанровую ценность, совершенно так, как если бы мы имели дело с фривольной музыкой. Даже если согласиться, что многие тексты Кофты на самом деле отмечены кабарежно-сатирической актуальностью, сегодня не всегда вполне понятной, все же невозможно не заметить, что суть этого творчества не определяется жанром. Суть его — скорее сила лирического переживания, оставляющая в душе и памяти читателей стойкий, неизгладимый след. Поэт достигал этого эффекта разными способами. Часто всё решала лаконичная концовка строфы или всего стихотворения, хотя бы такое провокационное утверждение: “Опускаться надо неспешно / Чтоб хватило на всю жизнь”. Или: “Когда я удивляться перестану / Мне крышка”. Порою это был необычайно кратко и метко ухваченный архетип. Ибо поэт, начинающий стихотворение фразой “Помните о садах / Вы ведь оттуда родом”, указывает на всеобщую, очевидную, хоть и не всегда осознаваемую истину: мы тоскуем о библейском Эдеме, пасторальной Аркадии, обо всех садах детства, которые когда-либо существовали и будут существовать. При этом Кофта был поэтом парадокса. Формулировки вроде “Не жду я солнца / Ненавижу тень” — его типичные, если не излюбленные, стилистические фигуры. Он не чурался разговорной лексики, сохраняя при этом легкость и шутливость Галчинского, поэтому ни “тип”, ни даже “сопляк” не выглядят в его стихах имплантированными искусственно, эффекта ради. Однако полной многомерности, именно поэтической, Йонаш Кофта достигал в тех произведениях, которые — обогащенные музыкой — обычно очень быстро становились известными и популярными. В число величайших шедевров польской песни навсегда вошла “Самба перед разлукой” в исполнении Ханны Банашак. Это одно из многих у поэта стихотворений о любви. И все-таки именно в этом случае точность текста, ностальгически пылкая музыка и гипнотический голос певицы дали в сумме эффект, которого мы ожидаем от самых выдающихся произведений искусства — однажды узнав, мы их уже никогда не забудем.

Поскольку, как сказал Йонаш Кофта в “Размышлениях на вокзале”, “Любой разговор о жизни / Остаётся

незавершённым”, постольку и это краткое слово о его стихах — тоже всего лишь приглашение к разговору с поэтом, который много лет дарил нам больше, чем мы склонны были предполагать.

Послесловие к сборнику стихотворений Йонаша Кофты, изд.
Twój Styl, Warszawa, 2001.

БОЛЬШОЕ МОЛЧАНИЕ

“Неделя совести”, прошедшая в Варшаве в 1992 г., была особым событием: на нее приехали мемориальцы со всей России, с Украины, из Казахстана. Встречу сопровождали две выставки. Одна из них называлась “Искусство ГУЛАГа”, вторая же была организована Валентиной Александровной Тихановой из московского “Мемориала”, которая собрала тюремные фотографии и краткие биографии поляков, расстрелянных в 1930-е годы. Сегодня следует признать, что эта вторая выставка была понята не сразу. Помню равнодушие и даже неприязнь людей, как будто чувствительных к истории и человеческим судьбам. Дело, конечно, было в том, что многие из жертв, смотревших на нас со стендов на стенах варшавской Цитадели, были членами ВКП(б) или КПП (Коммунистической партии Польши). Убитых мы вопрошали: “Был ли ты членом партии?”

Но все-таки Валентина Александровна заразила нас интересом к этому прошлому. Тем более что трагедия, на вид такая отдаленная, оказалась близкой. Перед стеной с портретами встречались дети, внуки, а иногда и вдовы жертв “большого террора”. Мы поняли, что это дело живое, горестное, всё еще не рассказанное.

О размахе “чисток” и их механизме мы узнали из документов, которые годом позже опубликовал в варшавской “Карте” Никита Петров. Несколько лет спустя Томаш Кизный подготовил поразительную выставку “Приговор”, где предсмертные фотографии жертв “большого террора” были увеличены до сверхчеловеческих размеров. Тем не менее и это прошло незамеченным.

“Большой террор” не занимает никакого места в сегодняшнем польском сознании. Можно ли сказать, что не продуманный нами, не включенный в нашу историю 1937 год несмотря на это воздействует на нас так же, как на жителей бывшего СССР? Конечно, не так же, но тот факт, что мы отталкиваем от себя память о его польских жертвах и, более того, не принимаем к сведению трагедию, поглотившую несколько сот тысяч человек, означает всего лишь, что по двум предметам мы не сдали экзамен: по истории и по этике.

Можно ли это изменить? Весной этого года “Мемориал” выпустил тезисы, показывающие такой путь — русским,

полякам, всем народам, представители которых находятся в списках расстрелянных.

Занимаясь и проникаясь судьбами жертв “большого террора” (хотя, может быть, не так интенсивно, как следовало бы), я был убежден, что меня этот вопрос прямо не затрагивает. Я ошибался. Не так давно я нашел в списках приговоренных к “высшей мере” в 1937 г. имя своего деда. В этот момент все известные мне дела, протоколы допросов, а главное, фотографии расстрелянных прошли у меня перед глазами.

1937 ГОД И СОВРЕМЕННОСТЬ

Семьдесят лет назад, по решению высших партийных органов, в СССР развернулась очередная кровавая “чистка”, длившаяся почти два года. В исторической публицистике эта репрессивная кампания нередко именуется “Большим Террором”; в народе же ее называют просто — “Тридцать Седьмой”.

Коммунистическая диктатура всегда — и до, и после 1937 года — сопровождалась политическими репрессиями. Однако именно Тридцать Седьмой стал в памяти людей зловещим символом системы массовых убийств, организуемых и проводимых государственной властью. По-видимому, это случилось из-за того, что Большому Террору были присущи некоторые из ряда вон выходящие черты, предопределившие его особое место в истории и то огромное влияние, которое он оказал — и продолжает оказывать — на судьбы нашей страны.

Тридцать Седьмой — это гигантский масштаб репрессий, охвативших все регионы и все без исключения слои общества, от высшего руководства страны до бесконечно далеких от политики крестьян и рабочих. В течение 1937–1938 гг. по политическим обвинениям было арестовано более 1,7 миллиона человек. А вместе с жертвами депортаций и осужденными “социально вредными элементами” число репрессированных переваливает за два миллиона.

Это невероятная жестокость приговоров: более 700 тысяч арестованных были казнены.

Это беспрецедентная плановость террористических “спецопераций”. Вся кампания была тщательно продумана заранее высшим политическим руководством СССР и проходила под его постоянным контролем. В секретных приказах НКВД определялись сроки проведения отдельных операций, группы и категории населения, подлежащие “чистке”, а также “лимиты” — плановые цифры арестов и расстрелов по каждому региону. Любые изменения, любые “инициативы снизу” должны были согласовываться с Москвой и получать ее одобрение.

Но для основной массы населения, незнакомой с содержанием приказов, логика арестов казалась загадочной и необъяснимой, не вяжущейся со здравым смыслом. В глазах современников Большой Террор выглядел гигантской лотереей. Почти

мистическая непостижимость происходящего наводила особенный ужас и порождала у миллионов людей неуверенность в собственной судьбе.

Репрессии основательно затронули, в частности, представителей новых советских элит: политической, военной, хозяйственной. Расправа с людьми, имена которых были известны всей стране (именно о них в первую очередь сообщали газеты) и в лояльности которых не было никаких причин сомневаться, увеличивала панику и усугубляла массовый психоз. Впоследствии родился даже миф о том, что Большой Террор будто бы был направлен исключительно против старых большевиков и партийно-государственной верхушки. На самом деле подавляющее большинство арестованных и расстрелянных были простыми советскими гражданами, беспартийными и ни к каким элитам не принадлежащими.

Тридцать Седьмой — это неизвестные мировой истории масштабы фальсификации обвинений. В 1937–1938 гг. вероятность ареста определялась главным образом принадлежностью к какой-либо категории населения, указанной в одном из “оперативных приказов” НКВД, или связями — служебными, родственными, дружескими — с людьми, арестованными ранее. Формулирование индивидуальной “вины” было заботой следователей. Поэтому сотням и сотням тысяч арестованных предъявлялись фантастические обвинения в “контрреволюционных заговорах”, “шпионаже”, “подготовке к террористическим актам”, “диверсиях” и т.п.

Тридцать Седьмой — это возрождение в XX веке норм средневекового инквизиционного процесса со всей его традиционной атрибутикой: заочностью (в подавляющем большинстве случаев) квазисудебной процедуры, отсутствием защиты, фактическим объединением в рамках одного ведомства ролей следователя, обвинителя, судьи и палача. Вновь, как во времена инквизиции, главным доказательством стало ритуальное “признание своей вины” самим подследственным. Стремление добиться такого признания в сочетании с произвольностью и фантастичностью обвинений привели к массовому применению пыток; летом 1937-го пытки были официально санкционированы и рекомендованы как метод ведения следствия.

Тридцать Седьмой — это чрезвычайный и закрытый характер судопроизводства. Это тайна, окутавшая отправленное “правосудия”, это непроницаемая секретность вокруг

расстрельных полигонов и мест захоронений казненных. Это систематическая многолетняя официальная ложь о судьбах расстрелянных: сначала — о мифических “лагерях без права переписки”, затем — о кончине, наступившей будто бы от болезни, с указанием фальшивых даты и места смерти.

Тридцать Седьмой — это круговая порука, которой сталинское руководство старалось повязать весь народ. По всей стране проходили собрания, на которых людей заставляли бурно аплодировать публичной лжи о разоблаченных и обезвреженных “врагах народа”. Детей вынуждали отрекаться от арестованных родителей, жен — от мужей.

Это миллионы разбитых семей. Это зловещая аббревиатура “ЧСИР” — “член семьи изменника Родины”, которая сама по себе явилась приговором к заключению в специальные лагеря для двадцати тысяч вдов, чьи мужья были казнены по решению Военной Коллегии Верховного Суда. Это сотни тысяч “сирот Тридцать Седьмого” — людей с украденным детством и изломанной юностью.

Это окончательная девальвация ценности человеческой жизни и свободы. Это культ чекизма, романтизация насилия, обожествление идола государства. Это эпоха полного смещения в народном сознании всех правовых понятий.

Наконец, Тридцать Седьмой — это фантастическое сочетание вакханалии террора с безудержной пропагандистской кампанией, восхваляющей самую совершенную в мире советскую демократию, самую демократическую в мире советскую Конституцию, великие свершения и трудовые подвиги советского народа. Именно в 1937 году окончательно сформировалась характерная черта советского общества — двоемыслие, следствие раздвоения реальности, навязанного пропагандой общественному и индивидуальному сознанию.

* * *

И сейчас, семьдесят лет спустя, в стереотипах общественной жизни и государственной политики России и других стран, возникших на развалинах СССР, явственно различимо пагубное влияние как самой катастрофы 1937—1938 гг., так и всей той системы государственного насилия, символом и квинтэссенцией которого стали эти годы. Эта катастрофа вошла в массовое и индивидуальное подсознание, покалечила психологию людей, обострила застарелые болезни нашего менталитета, унаследованные еще от Российской империи, породила новые опасные комплексы.

Ощущение ничтожности человеческой жизни и свободы перед истуканом Власти — это непреодоленный опыт Большого Террора.

Привычка к “управляемому правосудию”, правоохранные органы, подчиняющие свою деятельность не норме закона, а велениям начальства, — это очевидное наследие Большого Террора.

Имитация демократического процесса при одновременном выхолащивании основных демократических институций и открытом пренебрежении правами и свободами человека, нарушения Конституции, совершаемые под аккомпанемент клятв в незыблемой верности конституционному порядку, — это общественная модель, которая впервые была успешно опробована именно в период Большого Террора.

Рефлекторная неприязнь сегодняшнего бюрократического аппарата к независимой общественной активности, непрекращающиеся попытки поставить ее под жесткий государственный контроль, — это тоже итог Большого Террора, когда большевистский режим поставил последнюю точку в многолетней истории своей борьбы с гражданским обществом. К 1937 году все коллективные формы общественной жизни в СССР — культурной, научной, религиозной, социальной и т.п., не говоря уже о политической, — были ликвидированы или подменены имитациями, муляжами; после этого людей можно было уничтожать поодиночке, заодно искореняя из общественного сознания представления о независимости, гражданской ответственности и человеческой солидарности.

Воскрешение в современной российской политике старой концепции “враждебного окружения” — идеологической базы и пропагандистского обеспечения Большого Террора, подозрительность и враждебность ко всему зарубежному, истерический поиск “врагов” за рубежом и “пятой колонны” внутри страны и другие сталинские идеологические шаблоны, обретающие второе рождение в новом политическом контексте — все это свидетельства непреодоленного наследия Тридцать Седьмого в нашей политической и общественной жизни.

Легкость, с которой в нашем обществе возникают и расцветают национализм и ксенофобия, несомненно унаследована нами в том числе и от “национальных спецопераций” 1937–1938 гг., и от депортаций в годы войны целых народов, обвиненных в предательстве, и от “борьбы с космополитизмом”, “дела

врачей” и сопутствующих всему этому пропагандистских кампаний.

Интеллектуальный конформизм, боязнь всякой “инакости”, отсутствие привычки к свободному и независимому мышлению, податливость ко лжи, — это во многом результат Большого Террора.

Безудержный цинизм — обратная сторона двоемыслия. Волчья лагерная мораль (“умри ты сегодня, а я завтра”), утрата традиционных семейных ценностей — и этими нашими бедами мы в значительной мере обязаны школе Большого Террора, школе ГУЛАГа.

Катастрофическая разобщенность людей, стадность, подменившая коллективизм, острый дефицит человеческой солидарности, — все это результат репрессий, депортаций, насильственных переселений, результат Большого Террора, целью которого и было раздробление общества на атомы, превращение народа в “население”, в толпу, которой легко и просто управлять.

* * *

Разумеется, сегодня наследие Большого Террора не воплощается и вряд ли может воплотиться в массовые аресты — мы живем в совершенно другую эпоху. Но это наследие, не осмысленное обществом, и, стало быть, не преодоленное им, легко может стать “скелетом в шкафу”, проклятием нынешнего и будущих поколений, прорывающимся наружу то государственной манией величия, то вспышками шпиономании, то рецидивами репрессивной политики.

Что требуется сделать для осмысления и преодоления разрушительного опыта Тридцать Седьмого?

Последние полтора десятилетия показали, что необходимо публичное рассмотрение политического террора советского периода с правовых позиций. Террористической политике тогдашних руководителей страны, и прежде всего генерального идеолога и верховного организатора террора — Иосифа Сталина, конкретным преступлениям, ими совершенным, необходимо дать ясную юридическую оценку. Только такая оценка может стать точкой отсчета, краеугольным камнем правового и исторического сознания, фундаментом для дальнейшей работы с прошлым. В противном случае отношение общества к событиям эпохи террора неизбежно будет колебаться в зависимости от изменений политической

конъюнктуры, а призрак сталинизма — периодически воскресать и оборачиваться то бюстами диктатора на улицах наших городов, то рецидивами сталинской политической практики в нашей жизни.

Вероятно, для проведения полноценного разбирательства следовало бы создать специальный судебный орган — указывать на прецеденты в мировой юридической практике излишне.

К сожалению, пока что налицо противоположная тенденция: в 2005 году Государственная Дума Российской Федерации исключила из преамбулы Закона о реабилитации 1991 года единственное в российском законодательстве упоминание о “моральном ущербе”, причиненном жертвам террора. Нет нужды вдаваться в нравственную и политическую оценку этого шага — она очевидна. Необходимо просто вернуть слова о моральном ущербе в текст Закона. Это надо сделать не только во имя памяти погибших, но и ради самоуважения. Это надо сделать и для того, чтобы загладить оскорбление, нанесенное несколькими десятками тысяч глубоких стариков — выжившим узникам ГУЛАГа, и сотням тысяч родственников жертв террора.

Однако правовая оценка террора — это важный, но недостаточный шаг.

Необходимо обеспечить благоприятные условия для продолжения и расширения исследовательской работы по истории государственного террора в СССР. Для этого нужно прежде всего снять все ныне действующие искусственные и необоснованные ограничения доступа к архивным материалам, связанным с политическими репрессиями.

Необходимо сделать современные исторические знания об эпохе террора общим достоянием: создать, наконец, школьные и вузовские учебники истории, в которых теме политических репрессий и, в частности, Большому Террору, было бы уделено место, соответствующее их историческому значению. История советского террора должна стать не только обязательной и значительной частью школьного образования, но и объектом серьезных усилий в области народного просвещения в самом широком смысле слова. Необходимы просветительные и культурные программы, посвященные этой теме, на государственных каналах телевидения, необходима государственная поддержка издательским проектам по выпуску научной, просветительной, мемуарной литературы, посвященной эпохе террора.

Необходимо создать общенациональный Музей истории государственного террора, соответствующий по своему статусу и уровню масштабам трагедии, и сделать его методическим и научным центром музейной работы по этой теме. История террора и ГУЛАГа должна быть представлена во всех исторических и краеведческих музеях страны, так, как это делается, например, в отношении другой грандиозной исторической трагедии — Великой Отечественной войны.

Необходимо, наконец, воздвигнуть в Москве общенациональный памятник погибшим, который был бы поставлен государством и от имени государства. Такой памятник нам обещают вот уже 45 лет; пора бы и выполнить обещание. Но этого мало: надо, чтобы памятники жертвам террора встали по всей стране. К сожалению, во многих городах дело увековечения памяти жертв до сих пор не двинулось дальше закладных камней, установленных 15–18 лет назад.

В стране должны появиться памятные знаки и мемориальные доски, которые отмечали бы места, связанные с инфраструктурой террора: сохранившиеся здания следственных и пересыльных тюрем, политизоляторов, управлений НКВД и ГУЛАГа и т.п. Памятные знаки, указатели и информационные щиты следует установить также в местах дислокации больших лагерных комплексов, на предприятиях, созданных трудом узников, на дорогах, ведущих к сохранившимся руинам лагерных зон.

Необходимо убрать из названий улиц и площадей, да и из названий населенных пунктов, имена государственных деятелей — организаторов и активных участников террора. Топонимика не может больше оставаться зоной увековечения памяти преступников.

Необходима государственная программа подготовки и издания во всех субъектах Российской Федерации Книг памяти жертв политических репрессий. Сейчас такие Книги памяти выпущены только в части регионов России. По приблизительным подсчетам, совокупный список имен, перечисленных в этих книгах, охватывает на сегодняшний день не более 20% от общего числа людей, подвергшихся политическим репрессиям.

Срочно необходимо разработать и осуществить общероссийскую или даже межгосударственную программу поиска и мемориализации мест захоронений жертв террора. Это проблема не столько образовательная и просветительская, сколько нравственная. На территории бывшего СССР — многие

сотни расстрельных рвов и братских могил, где тайно закапывали казненных, тысячи лагерных и спецпоселенческих кладбищ, разрушенных, полуразрушенных и таких, от которых остались лишь следы; от тысяч кладбищ уже и следов не осталось.

Все это способствовало бы восстановлению памяти об одной из крупнейших гуманитарных катастроф XX века и помогло бы выработать устойчивый иммунитет к тоталитарным стереотипам.

Сказанное выше относится в первую очередь к России, — правопреемнику СССР, самой большой из бывших советских республик, стране, в столице которой располагался центр разработки и запуска террористических кампаний, управления механизмами террора, на территории которой находилась основная часть империи ГУЛАГа.

Однако очень многое из того, что должно быть сделано, должно делаться на всем пространстве бывшего СССР, лучше всего — совместными усилиями наших стран. История террора понимается и трактуется в сегодняшних постсоветских государствах по-разному. Это естественно. Но принципиально важно, чтобы из этой разности возник диалог. Диалог национальных памятей — важная и необходимая часть осмысления исторической правды; плохо лишь, когда он превращается в перебранку, в попытки снять историческую (и, стало быть, гражданскую) ответственность с себя и переложить ее на “другого”. К сожалению, очень часто именно история советского террора становится инструментом сиюминутных межгосударственных политических разборок, а честная совместная работа с общим прошлым подменяется выставлением перечней взаимных обид, счетов и претензий.

Поэтому развернутая комплексная программа, посвященная трагическому опыту прошлого, должна быть, скорее всего, международной и межгосударственной. Это касается и исторических исследований, и выпуска Книг памяти, и мемориализации мест захоронений, и многого другого — может быть, даже и подготовки школьных учебников. Память о терроре — это общая память наших народов. Эта память не разъединяет, а объединяет нас — еще и потому, что это ведь не только память о преступлениях, но и память о совместном противостоянии машине убийств, память об интернациональной солидарности и человеческой взаимопомощи.

* * *

Конечно, память о прошлом формируется не Указами и постановлениями правительств. Судьбы исторической памяти могут определиться лишь в широкой общественной дискуссии. Чем дальше, тем более очевидной становится острая необходимость в такой дискуссии.

В осмыслении Большого Террора и, шире, всего опыта советской истории, нуждается не только Россия и не только страны, входившие в СССР или в состав “социалистического лагеря”. В таком обсуждении нуждается все страны и народы, все человечество, ибо события Большого Террора наложили отпечаток не только на советскую, но и на всемирную историю. ГУЛАГ, Колыма, Тридцать Седьмой — такие же символы XX века, как Освенцим и Хиросима. Они выходят за пределы исторической судьбы СССР или России и становятся свидетельством хрупкости и неустойчивости человеческой цивилизации, относительности завоеваний прогресса, предупреждением о возможности будущих катастрофических рецидивов варварства. Поэтому дискуссия о Большом Терроре должна также выйти за рамки национальной проблематики; подобно некоторым из названных выше гуманитарных катастроф, она должна стать предметом общечеловеческой рефлексии. Но инициатором и средоточием этой дискуссии обязана стать, разумеется, общественная мысль в странах, которые входили в состав СССР, в первую очередь — в России.

К сожалению, именно в России готовность общества узнать и принять правду о своей истории, казавшаяся в конце 1980-х достаточно высокой, сменилась в 1990-е безразличием, апатией и нежеланием “копаться в прошлом”. Есть и силы, прямо заинтересованные в том, чтобы никаких дискуссий на эти темы больше не было. И в общественном сознании, и в государственной политике усиливаются тенденции, отнюдь не способствующие свободному и прямому разговору о нашей недавней истории. Эти тенденции нашли свое выражение в официальной, хотя и не всегда четко формулируемой концепции отечественной истории исключительно как “нашего славного прошлого”.

Нам говорят, что актуализация памяти о преступлениях, совершенных государством в прошлом, препятствует национальной консолидации (или, выражаясь языком тоталитарной эпохи, “подрывает морально-политическое единство советского народа”).

Нам говорят, что эта память наносит ущерб процессу национального возрождения.

Нам говорят, что мы должны помнить в первую очередь о героических достижениях и подвигах народа во имя великой и вечной Державы.

Нам говорят, что народ не хочет иной памяти, отвергает ее.

И в самом деле, значительной части наших сограждан легче принять удобные успокоительные мифы, чем трезво взглянуть на свою трагическую историю и осмыслить ее во имя будущего. Мы понимаем, почему это так: честное осмысление прошлого возлагает на плечи ныне живущих поколений огромную и непривычную тяжесть исторической и гражданской ответственности. Но мы уверены: без принятия на себя этого, в самом деле тяжелейшего, груза ответственности за прошлое у нас не будет никакой национальной консолидации и никакого возрождения.

В канун одной из самых страшных годовщин нашей общей истории “Мемориал” призывает всех, кому дорого будущее наших стран и народов, пристально взглядеться в прошлое и постараться понять его уроки.

Международное общество “Мемориал”

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

- Лето в культурной жизни — это прежде всего пора фестивалей. Обычно их бывает очень много, но внимания заслуживают лишь некоторые. Поэтому мы обойдем молчанием типичные развлекательные шоу вроде рутинных фестивалей песни, которых становится все больше, причем каждый связан с каким-нибудь телеканалом.
- Пожалуй, одним из самых интересных событий вновь следует признать “Остановку Вудсток”. Это странное, привлекающее толпы народу мероприятие продолжает вызывать необыкновенно бурные эмоции. Уже много лет подряд это крупнейший в Польше и один из самых крупных в Европе фестиваль на открытом воздухе, где молодежь может бесплатно послушать ту музыку, которую она больше всего любит. Недавно завершилась 13-я “Остановка”. В этом году играло 30 групп, но необычность фестиваля заключалась не в этом, а в том, что Юрек Овсяк непрестанно воспитывал молодежь. И вопреки различным скептикам, пессимистам и сторонникам директора радио “Мария” отца Рыдзыка, ему это в значительной степени удавалось. Что же было в этом году? Еще в самом начале Юрек Овсяк заявил, что это будет последняя встреча, проводимая по старой программе. “По крайней мере такая большая. А то это начинает напоминать Ленина вечно живого”, — подшучивал он. Во время двухдневного фестиваля Овсяк избегал резких выступлений. “Потому что все должно быть нормально, без таких, которые проверяют, не были ли Кюри-Склодовская или Сенкевич гэбэшниками”. В этом году фестиваль уже начал меняться. Выросла придуманная еще год назад Академия изящнейших искусств, в рамках которой проходили лекции и встречи с интересными людьми. Нашлось место и для художественных мастер-классов, для встреч и занятий с музыкантами, кинематографистами, журналистами и, что самое любопытное, с представителями разных профессиональных групп. Ведь “Остановка” с самого начала последовательно учит терпимости. Из-за этого она уже давно стала бельмом на глазу польского мещанства. В этом году в ответ на акцию сдачи молодежью крови мещанство (увы, министерского

происхождения) заявило, что кровь сдавалась в такт сатанистской музыке и может только повредить больным...

• Другой ежегодный фестиваль, о котором нельзя не упомянуть, — это краковский Фестиваль еврейской культуры, организованный уже в 17 й раз. Как всегда, он прошел в Казимеже, бывшем еврейском квартале Кракова. Организатор и директор фестиваля Януш Макух в одном из интервью сказал: “В какой-то момент я понял, что еврейский мир по-настоящему оживает, если уважать его традиции, но не относиться к ним, как к музейным экспонатам. Мы включаем в программу всё новые мастер-классы. Потом их участники приезжают снова, привозят с собой знакомых... — Они возвращаются на фестиваль или в Казимеж? — И на фестиваль и в Казимеж. Музыканты говорят, что выступление в Кракове и в каком-нибудь другом месте, даже в Нью-Йорке, — это небо и земля. Просто здесь эта культура лучше всего звучит. Отчасти потому, что большинство приезжающих в Краков людей ведет свой род (по крайней мере символически) отсюда, из Галиции. — Но современный Казимеж трудно назвать еврейским. — Это правда, сегодня здесь нет еврейской жизни. Но есть ее атрибуты — ведь это все-таки крупнейший сохранившийся еврейский квартал в Центральной и Восточной Европе (...) Мы делаем упор на культурную традицию, а не на пропитанную Катастрофой историю, потому что на самом деле меня интересует жизнь. Я не хочу, чтобы фестиваль превратился еще в один „Марш живых”. Сводя 700 летнюю историю польских евреев к шести годам Катастрофы, мы признали бы победу Гитлера”.

• В прекрасном Казимеже-Дольном на Висле впервые был организован фестиваль “Два берега”, который пришел на смену казимежскому “Кинолету”, привлекавшему сюда толпы киноманов. “С тех пор как в 20 е годы XX века в Казимеж начали приезжать на натуру художники, здесь проходят бесчисленные выставки, концерты, невероятные балы в руинах замка, — пишет Гжегож Юзефчук. — В этом направлении пошли и организаторы Фестиваля кино и искусства „Два берега,”. “Мы хотим, чтобы это был кинофестиваль, и в то же время хотим показать, как важны для восприятия фильмов другие области искусства, — сказала от имени организаторов Гражина Торбицкая. — Поэтому на фестивале представлены музыка, литература, живопись, скульптура, фотография”. Фестиваль проходил в самом Казимеже и в Яновце — замке, расположенном на другом берегу Вислы. Всего по обе стороны Вислы было около двадцати мест, где проходили встречи, дискуссии, выставки и концерты. Все эти мероприятия позволили многочисленным туристам, съехавшимся в

Казимеж в это дождливое лето, приятно и с пользой провести время.

- И, наконец, самый серьезный из летних конкурсов — фестиваль “Эра — Новые горизонты”, один из интереснейших летних киносмотров не только в Польше. Размах этого мероприятия, перенесенного из Тешина в более богатый и крупный Вроцлав, поистине впечатляет. “Вроцлавский фестиваль, — пишет Павел Т. Фелис, — это больше чем набор известных имен. Исключительно богатая панорама фильмов имеет смысл главным образом потому, что ставит важные вопросы — в т.ч. о современном кино и его будущем. Можно ли еще отделить художественный фильм от документального? Возможно ли сохранить в кино иллюзию действительности? Как говорить о самом простом и важном, если всё уже когда-то было? (...) Победа на зрительском конкурсе фильма Рона Хавилио „Потоси: путешествие” — явный знак того, что в Польше есть зрители, способные оценить кино, отличающееся от шумно рекламируемых картин”. И еще одно: “Те, кто бывал на фестивале, когда он проходил в Тешине, с ностальгией вспоминают прежнюю камерную атмосферу (...) Однако нынешний фестиваль показал, что переезд во Вроцлав был необходим. Тешин обрекал фестиваль на локальность. Во Вроцлаве он все более приближается к мировым стандартам”. Любители серьезного кино смогли увидеть почти полтысячи фильмов, 150 из которых демонстрировались в Польше впервые.

- Добавим, что в настоящее время Вроцлав — одна из самых динамично развивающихся польских метрополий, культурная столица региона и вдобавок город, который еще не отказался от борьбы за организацию Всемирной выставки...

- Вспоминая события этого лета, нельзя не упомянуть и о концерте группы “Роллинг стоунз”, которая приехала в Польшу после сорокалетнего перерыва. Принятое с энтузиазмом выступление началось с волнующего момента, когда, как пишет Лукаш Каминский, “на сцену вышел представитель организаторов. По-польски и по-английски он предложил почтить минутой молчания польских паломников, погибших в автокатастрофе во Франции. Шум и разговоры смолкли немедленно, как будто кто-то выключил электричество. Вид нескольких десятков тысяч людей, которые в тишине поминают жертв несчастного случая, был в тысячи раз более впечатляющим, чем напыщенные слова политиков, призывавших отменить концерт”.

- Самой выдающейся польской эстрадной артисткой поляки признали Доду-Электроду (Дороту Рабчевскую), хорошенькую героиню бесчисленных репортажей в желтой прессе, необыкновенно популярную сейчас исполнительницу. Еще одна победа СМИ над тем, что традиционно считается высокой культурой...

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Дискуссия о состоянии польской литературы после 1989-го, до сих пор тащившаяся через пень-колоду, в последнее время пошла резвее. Своего рода подведение итогов мы находим в статье Агнешки Ненцкой „Ангажированность” — снова в действии?”, опубликованной в силезском ежеквартальном журнале „Фа-арт” (2007, №1-2). Автор обращает внимание на возвращение категории „ангажированной литературы”, которую в свое время забросили, сочтя симптомом соцреалистического мышления:

"В конце 1990-х прозаиков очень часто призывали описывать современность, обращаясь к традициям реализма. Эту практику, по мнению некоторых критиков, следовало бы соединять с „реакцией на мнимую скуку литературы, из пустоты или цинизма смиряющейся со своей несущественностью”. (...) „Молодое” поколение писателей (родившихся в 1970-е и позже) в возвращении к реализму видело способ завоевать независимость — словом, речь шла о том, чтобы подчеркнуть особенность своего поколения. Так начался настоящий бум на литературу, отмыкавшуюся ключом реализма и обозначенную крайне вместилильным названием „ангажированной литературы” (...). Однако новая тенденция вызвала многочисленные возражения, ибо так уж сложилось, что литература, издаваемая под вывеской „ангажированной” и обязанная быть аналогом „критического искусства” и „театра новых бруталистов”, прекрасно вписывалась в рекламную кампанию, предпринятую крупнейшими издательствами на рынке художественной прозы. (...) Казалось, что прозаики (...) соревнуются в охоте на недостойные и гнусные аспекты окружающей нас действительности”.

Приводя мнение, согласно которому „реализм (...) это прежде всего вопрос этической ответственности писателя и литературы”, А.Ненцкая договаривает эту мысль:

“Выбор термина [„ангажированность”], несущего идеологическую нагрузку, следует понимать не только как жест обращения к традициям и поэтике реализма (речь идет о том, чтобы описать малопрятный мир и населяющих его еще менее приятных людей), но также — а может быть, прежде

всего — попытку противостоять наступившей ситуации отказа от отрицательных эмоций, словом, артикуляцию разочарования. В силу этого весь проект выглядит утопическим, а его проведение в жизнь оставляет желать лучшего. Вдобавок уже неоднократно говорилось, что „молодые” авторы не слишком-то умеют выразить свою злость и уточнить свое недовольство”.

Пересказывая дискуссию, посвященную этой проблеме, Ненцкая констатирует:

“Тем не менее вспомним, что, говоря об „ангажированных книгах”, критики задавали вопросы о том, на какого противника обращены злость и разочарование, и о дидактичности этой литературы, то есть об идеологических заявлениях, которых нелегко доискаться в прозе „родившихся в 70 х””.

Добавим, что в этом есть правота, в особенности по той причине, что эта проза, поднимая “важные общественные вопросы”, в то же время не справляется с созданием личностей, способных биться над этими вопросами, личностей в каком-то смысле символических, воплощающих идеи, во имя которых выступает автор или рассказчик произведения. А без такого героя эти произведения ничего не несут, остаются поверхностными и смахивают на довольно плоскую публицистику.

Дальше А.Ненцкая пишет:

“Ангажированность (...) скорее была выдумана критиками и писателями, нежели порождена „настоящими” общественными нуждами. А в результате мало что дают нарекания на дегенеративную действительность. Слова без поступков и внутренне диктуемой потребности — этого решительно недостаточно. И тут мы подходим к сути дела. Эта проза (...) „сшита” (авторы кстати и не делают вид, будто это не так) из слишком очевидных стереотипов. Используя литературные шаблоны, условности, схемы, писатели, похоже, довольно добросовестно „отбарабанили” урок постмодернизма. И следует задать вопрос столь же тривиальный, сколь и элементарный: могло ли быть иначе (а если да, то каким образом)? Ответ, разумеется, отрицательный. Сегодня невозможно себе позволить делать вид, что ты не сознаешь ни „заигранности” парадигмы ангажированности, ни ее „литературности”. А посему то, что делают прозаики, можно было бы коротко назвать „игрой в ангажированность””.

Но всегда ли это так? Разделяя многое из сказанного Ненцкой, особенно в отношении поколения, о творчестве которого она пишет, я без труда сумел бы показать произведения писателей постарше (иногда ненамного), которые, играя условностями и образцами, одновременно способны вовлечь читателя в мир “подлинных” переживаний и чувств, — в качестве примера приведу хотя бы родившегося в середине 60-х Мартина Светлицкого, последний роман которого, “Тринадцать”, своего рода пастиш “Мастера и Маргариты”, обладает достоинствами прозы, которая разоблачает “малопривлекательный” мир и населяющих его людей. Однако на это можно ответить, что исключение только подтверждает правило...

Далее критик, произведя анализ нескольких романов, констатирует:

“Хлопоты с определением „ангажированной литературы” оказываются мелкими хлопотами, которые возникли в первую очередь из-за того, что не слишком-то удается ясно и бесспорно определить самую действительность, а множество языков, служащих ее описанию, этой задачи не облегчают. Трудность состоит еще и в том, что мы имеем дело не с эстетической, а прежде всего с социотехнической переменой. Книжки, которые обычно называют в качестве примеров „ангажированной литературы”, воспринимаются как таковые, потому что влияние на это оказывает читательское восприятие (частично сформированное литературно-критическим восприятием этой прозы). (...) Одним словом, у нас есть ангажированная литература, потому что прочтенные книжки мы сочли ангажированными, ибо — скажем коротко — хотим иметь таковые. Трудность, однако, состоит в том, что (...) такой способ чтения в значительной мере запроектирован критикой, а раз так — трудно говорить о нуждах непрофессиональной публики”.

В этом контексте стоит вспомнить дискуссию — о которой я недавно рассказывал в одном из своих обзоров — о состоянии литературной критики в Польше, которая велась на страницах газеты “Дзенник”.

Дальше Ненцкая пишет:

“С одной стороны, проблема ангажированности входит в контекст идеологии и политики, а с другой — постмодернизма, пастиша и „медийности” литературы. То, что мы так легко зачисляем в категорию „ангажированной прозы”, очень часто оказывается постмодернистской игрой (с) реалистическими условностями, которую можно истолковать (...) как

хитроумный проект, некоторым образом направленный против этой самой ангажированности. Нет возврата (ибо его быть не может) к тем задачам литературы, которые ей некогда ставились. Отсюда, естественной силой вещей, не может быть написан современный „Канун весны” [Стефана Жеромского, 1923], потому что и времена, и сознание изменились. Сегодня у нас нет сомнений в том, что действительность конструируется из схем, унаследованных от прошлого, следовательно, она (...) воспроизводится, перерабатывается. В прах обратилась и уверенность в невинности языков, служащих общественной коммуникации. На пороге XXI столетия уже ни у кого нет иллюзий, будто какой-то дискурс может сохранить нейтральность и тем самым получить ранг стоящего превыше всех. Язык литературы, и это очевидно, — всего лишь один из этих дискурсов, поставленных под постоянное подозрение. Поэтому, обнаруживая свою опосредованность, литература умножает языки описания и „скрещивает” точки зрения. (...) Тезисы о том, что писать — это переписывать или дописывать, не представляют собой ничего нового. (...) Поэтому неудивительно, что повсюду обязательными стали повествования о нищете, распаде или, беря в целом, фатальных последствиях капитализма. Трудно найти книги, выходящие за поверхностные описания социальных перемен или изменений в нравах. Вероятно, правы те, кто утверждает, что следовало бы скорее говорить об описании в „новой и новейшей прозе” медийной действительности. В романах, о которых идет речь, тематизируются вопросы, какими занимается ежедневная пресса. (...) Выходит, так называемую ангажированность следовало бы искать не в сфере изображаемого мира, а скорее на металитературном уровне. (...) Согласно постмодернистскому толкованию, вместо реализма мы имеем фикцию реализма. В результате вместо традиционно сермяжного реализма мы, правда, получаем „эффект реализма”, но это „реализм неосуществленный, неудачный, неспособный удовлетворить никого, ожидающего от литературы исчерпывающего свидетельства о современном мире”. Поэтому если бы я склонялась к тезису, возможно рискованному, о том, что „ангажированная литература” выступала против постмодернизма, то с той оговоркой, что критике подверглись главные „грехи” постмодернизма: антисубъектность, релятивизм, нигилизм и иррациональность. И вернемся к констатации того факта, что если ангажированность — то на нелитературном уровне. Отсюда вытекает эксплуатация слишком явных условностей и прозрачного языка, вызывающая впечатление гиперреализма”.

Между тем “Дзенник” (2007, №157), проведя опрос на тему состояния литературной критики, начинает следующий: на тему писателей недооцененных и переоцененных. Это продолжение аналогичной анкеты, которую провела в 1992 г. парижская “Культура”. Пишет Влодзимеж Болецкий:

“Шел 1992 год. За два года до этого отменили цензуру, распадалась централизованная модель управления литературной жизнью, а вместе с ней и система тогдашней литературной иерархии и определяющих ее критериев — словом, весь дискурс, использовавшийся, когда речь шла о современной литературе. По замыслу Гедройца, анкета должна была стать интеллектуальной провокацией и одновременно тестом на проверку независимости оценок критиков, живущих в Польше. Так и произошло. Ян Томковский писал тогда: „Мы наблюдаем девальвацию значения того поколения, творчество которого тесно связано с историей ПНР. Я имею в виду таких писателей, как Ежи Анджеевский, Казимеж Брандыс, Тадеуш Ружевич”. Цезарий Михальский считал, что завышенная оценка дается 45 годам публицистики „Тыгодника повсехного”, которую он назвал „плоскими политическим намеками неведомо на что”. Тадеуш Нычек счел, что из-за ненормального политического положения читатели переоценили Гомбровича: „Идол и архимаэстро в результате больших обстоятельств, а при этом просто нормальный хороший писатель, автор книг получше и похуже”. Великолепно уловил суть дела покойный Ян Вальц: „В результате всего этого у нас оказались две совершенно разные группы переоцененных писателей: с одной стороны — эмигрантская литература, которой все восхищаются сверх меры, всё еще не умея до конца изжить реакцию на многие годы контрабанды книг или печатанья их на подпольных множительных аппаратах. Другая сторона медали — трудности с тем, чтобы сказать себе правду о литературе ПНР, настойчивые заверения в величии Ивашкевича, Ружевича или Казимежа Брандыса”. Многие из приглашенных участвовать в анкете прокалывали воздушный шар славы Анджея Щипёрского. Одновременно напоминали о недооцененных эмигрантских писателях: Юзефе Мацкевиче, Анджее Бобковском, Михале Хороманском. Мечислав Орский и Томаш Бурек указывали, что по политическим причинам остались непризнанными такие выдающиеся писатели, как Влодзимеж Одоевский, Ежи Кшиштонь и Януш Красинский.

Анкета вызвала шок. Впервые в коллективном дискурсе о литературе появились совершенно частные, индивидуализированные оценки, иногда резко откровенные, а

главное — не признающие никаких литературных святынь. До тех пор так можно было говорить в пресловутых кофейнях, но не в публичных выступлениях. Генрик Береза к переоцененным отнес, в частности, Чеслава Милоша, написав о нем:

„Временами поэт, средний прозаик, умелый эссеист, на Нобеля может хватить, на истинное величие слишком мало”. Томаш Бурек переоцененными счел, в частности, „эпигонов (как Мрожек), компиляторов (как Кусневич), коллекционеров красот (как Загаевский)” и напомнил о творчестве Станислава Чича. Антоний Либера писал о Конвицком:

„...плоский, поверхностный, салонный (причем речь идет о пээнэровском салоне — своеобразной смеси романтического патриотизма, посткоммунистического ревизионизма и варшавской тусовки) — и где-то в глубине неподлинный, лицемерный”. Януш Славинский о Загаевском: „Слишком много в нем надутости — котурнов, олимпийских поз, накачивания себя возвышенным, натужной серьезности мудреца. В его поэзии искусственность упорно остается искусственной — в качестве искусственности она не выработалась в естественность, поэтому ей не хватает удовлетворительных полномочий”. Михал Гловинский поставил под сомнение выдающуюся художественную ценность произведений Херберта, а Либера — Ханны Краль. Несколько участников анкеты усомнилось в ценности “Вайзера Давидика” Павла Хюлле, самого видного в прозе дебюта 1990 х.

Откуда такая резкость суждений? 1990 е только начинались — это было время перемен и переоценок, поисков новых критериев и формулирования новых оценок. Еще не было больших литературных премий. Коммерциализация рынка книги и СМИ была в пеленках. В той анкете каждый высказывался только за себя”.

Это введение к выступлениям, которые будут печататься в “Дзеннике” в ближайшее время. Первые три уже напечатаны в том же номере. Кроме указания пере- и недооцененных писателей, авторы говорят и о положении литературы. Так, Генрик Береза в статье “Каждый может стать литературным мошенником” пишет:

“В словесности всегда может существовать феномен притворства и мошенничества, мошенническими способами можно автора какого попало романа поставить на пьедестал корифея литературы. В медийной литературе путь мошеннического продвижения всем открыт”.

А Тадеуш Нычек в тексте “Современная польская поэзия проигрывает прозе” (что само по себе тезис революционный)

констатирует:

“Самое, однако, огорчительное — немедленное, в погоне за актуальностями, забвение замечательных имен совсем еще недавнего прошлого”.

И наконец — вспомним кстати текст Агнешки Ненцкой — Томаш Бурек в заметке “Литература должна защищать миропорядок”:

“Если опека над космосом составляет обязанность поэзии, то на прозу ложится забота об изображении действительности в полном разрезе, экзистенциальном и историческом”.

МОЯ СУЩНОСТЬ НЕ ИЗМЕНИЛАСЬ

— В 2003 г. вышел сборник ваших эссе под довольно неожиданным названием “Исповедь обращенного диссидента”. В какую же веру обратился непреклонный диссидент Михник?

— Я встал на позиции глубокого недоверия. После 1989 г. у меня впервые в жизни было чувство, что это — мое государство, которое должно пройти очень сложный процесс преобразований — как экономических, так и системных: от диктатуры к демократии, а во внешней политике — от сателлита Варшавского договора до суверенного государства, которое выбирает западное направление, вступая в НАТО и ЕС. Пока этот процесс шел, я намеренно сохранял своего рода сдержанность, говорил себе, что всему свое время, что в переходный период может быть больно, но другого пути нет.

— Обратившийся диссидент пишет также о мыслителях, поддавшихся обаянию диктатуры, — об “укушенных” по-гегелевски и даже по-гоголевски. Первые, говоря словами Антония Слонимского, “молчали вопреки совести”; вторые забывали, что лгут, и были почти готовы поверить во всё, что сами наговорили, как гоголевский Хлестаков.

— Понятие “гегелевского укуса” я почерпнул у Чеслава Милоша. Думаю, он довольно точно описывает определенный тип мыслителя, который хотел открыть тайну истории. Такому человеку казалось, что гегелевскую идею духа времени, исторической необходимости (Weltgeist и Zeitgeist) надо переводить на политический язык с помощью марксизма. Укус заключался в убежденности, что мир неотвратимо идет в эту сторону, а значит, сопротивляться так же бессмысленно, как пытаться плыть против течения у Ниагарского водопада.

А вот выражение “гоголевский укус” я придумал, пытаюсь разобраться в хитросплетениях творчества Яна Котта^[1]. Этот замечательный писатель, литературный и театральный критик, эссеист по сути дела не слишком интересовался Гегелем. Не знаю, читал ли он его вообще, но если и читал, то в его писательском творчестве это никак не отражено. Зато он читал Гоголя, то есть смотрел на мир гоголевским взглядом, познавая при этом, подобно Гоголю, систему самодержавия. Гоголь гениально описал николаевскую эпоху, а Котт, пользуясь

различными литературными примерами, показал действительность послевоенной Польши. Независимо от того, писал ли он о Красицком, Шекспире или греках, он всегда проводил параллель со своим временем. Помнится, я писал это эссе в Америке, стараясь понять феномен такого коттовского приема. У самого Котта я обнаружил определенный тип прочтения Гоголя, позволявший использовать именно такую метафорику.

История с заглавной буквы

— Вы пишете об Истории с заглавной буквы. О похвале ее разумности, о ее бессмысленности, о согласии с ней, о трагичности и гротескности, и о ловушках, кроющихся в ее понимании.

— В этом заключался отравленный секрет марксизма. Христианин скажет вслед за апостолом Павлом: “Нельзя роптать на жало в плоть”, — а интеллигент-марксист говорит: “Такова историческая необходимость. Это — История с большой буквы!”

— Ян Котт считал, что эти трагичность и гротескность — удел сообщества, живущего на вулкане. Несомненно, это детерминистический вывод. По мнению Льва Троцкого, без некоторой доли фатализма жизнь революционера вообще невозможна. Вы как революционер тоже пришли к подобным выводам?

— Вывод Котта может быть детерминистическим, но с тем же успехом может быть и описательным. А с Троцким я в этом отношении никогда не соглашался... Я принадлежал к группе революционеров “с человеческим лицом”. Меня больше интересовало, что будет завтра, а не через десять лет. Наша революция заключалась в созидании собственной жизни в чужом мире. Это была очень специфическая революция, поскольку вместо бомб мы производили книги. Разумеется, я всегда был убежден, что обществу, живущему при диктатуре, свойственна социология неожиданности, т.е. в любой момент может случиться что-нибудь такое, чего три дня назад еще никто не ожидал, но для этого вовсе не нужно быть сторонником Троцкого.

— Была ли жизнь на вулкане причиной того, что Жеромский называет “дефектом польскости”?

— Я бы не соединял этих вещей.

Жизнь на вулкане — это уверенность, что мир перестал быть устойчивым — по крайней мере со времен Возрождения. Разумеется, это упрощение, потому что тогда он тоже не был устойчивым, но его таким воспринимали. Потом английская, нидерландская, американская и французская революции поколебали веру в механизм мира, действующий согласно божественному закону. Он оказался непостоянным, что, в свою очередь, стало основанием для спора с консерватизмом. Консерватизм считает, что все устойчивое разумно, а резкие изменения нарушают естественный порядок. Между тем мы, ощущавшие себя детьми Просвещения, знали, что никакого естественного общественного порядка не существует. Однако, поскольку мир непостоянен, ценности должны быть устойчивыми. Впрочем, как можно говорить о ценностях, если на протяжении истории они менялись? Менялось значение понятий “свобода”, “равенство”, “братство” и т.д. Поэтому надо было принять картезианскую временную этику, которая гласит: я сознаю, что не обладаю ценностями, что никто из нас не имеет права сказать, будто постиг абсолютную истину, но поскольку на сегодняшний день путем честных рассуждений я пришел к тем, а не иным взглядам, то должен жить так, как если бы верил, что эти ценности абсолютные.

А “дефект польскости” был своего рода патриотизмом, очень восприимчивым к собственному народу, своего рода смесью критицизма с любовью. Это Жеромский и его романы: “Канун весны”, “Бездомные люди”, “Пепел”, “Верная река”. С одной стороны огромная любовь к Польше, и в то же время весьма критичное отношение к обществу. Это можно было заметить у Пилсудского, у Вацлава Берента^[2]

и, конечно же, у Янека Липского^[3], с которым я дружил и о котором написал эссе.

— Что такое “дефект польскости” для нас, уже вступивших в структуры ЕС и НАТО, — крылья или обуза?

— Несомненно крылья. Потому что этот “дефект” заставляет человека расправить плечи, позволяет ему держаться с национальным и человеческим достоинством.

Польскость и миф

— А “польскость”? Сегодня владельцами этой марки считают себя творцы исторической политики.

— Когда-то я опубликовал в “Газете wyborczej” статью об исторической политике на примере России (“Историческая

политика. Российский вариант”, 2006, 27–28 мая). У явления, которое я там описал, есть разные названия, формы, и оно вписывается в разные варианты мышления об истории. В России оно приобретает форму апологии диктаторско-реформаторского, черносотенного, православно-славянофильского и большевистско-сталинского прошлого. В свою очередь в Польше историческая политика в ее нынешней разновидности может проявляться как копирование тоталитарно-оэнэровского^[4] и умеренно-эндэцкого^[5]

образцов; может также обращаться к апологии маршала Пилсудского, который как раз национал-демократов и антисемитизм на дух не переносил, или к санационной риторике (сформировавшейся после смерти маршала), пытавшейся заигрывать с ОНР.

Когда государственные институты хотят провозглашать, какой была историческая правда, это всегда опасно. И всегда плохо кончается.

— Могло бы освобождение от “польскости” стать панацеей от польских болячек?

— Этот вопрос неоднозначен. От польскости невозможно освободиться. Разве что кто-нибудь говорит: жизнь здесь меня не интересует, поэтому я еду в Австралию, где буду строителем или зубным врачом. И это нормально. Несомненно Джозеф Конрад был английским писателем. Хотя в его книгах можно уловить ярко выраженные польские черты. Однако трудно было бы обвинить его в том, что он сделал нечто плохое. А Набоков? Он тоже начал писать по-английски и тоже так никогда и не избавился от своей русскости, которая явственно прослеживается в его литературе. Человек вполне может быть французским писателем, будучи при этом русским или поляком.

— Русская литература настолько велика, что переход Набокова на английский ничего не изменил. Благодаря этому он не стал лучше других русских писателей. С Джозефом Конрадом все обстоит иначе. Он вышел из шкуры поляка, став благодаря этому универсальным писателем мирового значения. Может, я говорю несправедливо, но я считаю польскую литературу провинциальной...

— Я не верю в провинциальность польской литературы — скорее уж в провинциальность части польских писателей. Я считаю многие польские книги по-настоящему

универсальными. А возьмите, к примеру, Маркеса — пожалуй, нет литературы более провинциальной.

— *Но она очаровывает.*

— Попробуйте почитать Берента. Он вас тоже очарует.

— *Меня, польку, он может очаровать. Вопрос в том, очарует ли он кого-нибудь в мире?*

— Если не очарует, это будет означать, что этот человек не подготовлен к чтению нашей литературы и мало о нас знает. Берент — гениальный писатель! Теодор Парницкий тоже. Просто Польша испытывает ту же проблему, какую переживают все литературы, не входящие в круг шести главных языков мира — русского, английского, французского, немецкого, испанского и итальянского.

Есть великая чешская, венгерская, румынская литература. Но самые выдающиеся румынские писатели писали по-французски. Если бы Ионеско писал свои пьесы в Бухаресте, риск того, что он не пробьется, был бы весьма высок. А Джеймс Джойс? Если бы он написал “Улисса” по-кельтски? Ведь это абсолютно местный роман. Блум все время бродит по Дублину.

— *В своем “Богословском трактате” Чеслав Милош говорит о наших компенсационных племенных мифах. Мифы эти интенсивно исследует и профессор Мария Янион. Чем мы должны заменить миф и можно ли его вообще заменить?*

— Специфика мифа как раз в том и заключается, что обычно он бывает компенсационным. Потому он и миф, что он незаменим. Надо только сознавать, что это миф, и относиться к нему сдержанно. Его невозможно ничем заменить. Знаете ли вы пример из истории, чтобы какой-нибудь миф можно было уничтожить с помощью сознательных действий? Разве что имеются в виду полицейские, гэбэшные меры, когда сторонников мифа репрессируют, выгоняют за границу и т.п. Правда, случается, что спустя много лет мифы гаснут сами.

Если вы напишете пять замечательных книг о войнах со шведами, люди все равно будут читать “Потоп” Сенкевича. И очень хорошо, пусть читают. Главное, чтобы они относились к этому достаточно отстраненно.

— *Эдвард Саид определил феномен постколониального государства, выделив четыре его основных черты: бедность, африканский пессимизм, культурализм и необходимые измышления, т.е. создание мифологии своего бывшего величия. В*

этом процессе создания мифологии активно участвует национализм, в связи с чем трудно не признать его вредным.

— Конечно, это вредное явление. А средство от этого простое — делать всё, чтобы мифы не вытесняли реальных исторических знаний.

Все мы создаем мифы, включая Эдварда Саида, придумавшего миф ориентализма^[6]. Ведь это его собственная конструкция. А недавно на польском книжном рынке появилась книга словенского антрополога Божидара Езерника “Дикая Европа. Балканы глазами западных путешественников”, где автор пользуется подобной методологией. Правда, у Саида это обвинительная мифология, а у Езерника — рационалистическая антропология, вовсе не утверждающая, что все было связано с колонизаторскими планами.

Действительно, народы, страдающие постколониальным синдромом, гораздо восприимчивей к мифологизации, которая уменьшается по мере отдаления во времени от статуса колонии, но всякий раз возвращается при появлении проблем. Однако от этого нельзя избавиться при помощи репрессий. Можно с симпатией относиться к тому, что писал Гомбрович о Сенкевиче, но одним другого не заменишь.

Интеллигенция

— Иванов-Разумник определил интеллигенцию как противоположность мещанства, которое он считал синонимом конформизма. Интеллигенция ставит перед собой этические задачи перестройки общества, применяя к самой себе суровые критерии. Можно ли определить так и польскую интеллигенцию?

— Мой спор с российскими друзьями вызван как раз вопросом определения русской интеллигенции. Трудность состоит в том, что у нее есть определение, но нет истории, так как она постоянно подвергалась значительным изменениям. Например, критиком Герцена с либеральных позиций был Михаил Катков, англофил, которого несомненно можно признать интеллигентом. Потом, после польского восстания 1863 г., он стал главным певцом имперской мысли и явно сместился в сторону православно-монархистских позиций. А сам Иванов-Разумник? Ведь он был эсером. Самой резкой критике эту линию подвергли, в свою очередь, Струве, Бердяев, Булгаков и Шестов. Никто не критиковал русскую интеллигенцию так, как русские интеллигенты.

В польском случае все было по-другому. Ключом к пониманию интеллигенции в русском значении был императив выполнения долга перед народом. А в Польше это было участие в процессе национального освобождения. Общественная деятельность тоже была важна, но все процессы шли тут совсем иначе, чем у народа, имеющего свою государственность.

— В своей книге вы цитируете Милоша, который утверждал, что в самом понятии интеллигентности заключен некий комизм, ибо она ассоциируется с возмущенной болтовней, с которой реальность довольно легко расправляется.

— Когда Милош говорит о болтовне, то с одной стороны имеет в виду бессилие, а с другой — то, как воспринимает интеллигенцию мир консервативного эндецкого мещанства. Ведь сегодня мы имеем дело с точно такой же проблемой. Когда вице-премьер говорит “образованцы” (кстати, слово родом из русского языка), а премьер говорит “псевдоэлиты”, становится ясно, что эти люди презирают интеллигенцию. Как мы знаем из истории, в крайних случаях такое презрение вело интеллигенцию в лагеря и на расстрел.

Но хорошо смеется тот, кто смеется последним. Для власти такое поведение, как правило, тоже кончается плохо.

— Эта власть опирается на чувство несправедливости простого человека, которому интеллигентская болтовня совершенно непонятна. Не кажется ли вам, что у интеллигенции бывают проблемы с тем, чтобы вступить в диалог с простым человеком?

— А разве в США сегодня нет такой проблемы? Университетские кампусы — это анклав, не имеющие ничего общего с сознанием жителей Канзаса, Юты или Луизианы.

— Был ли Комитет защиты рабочих (КОР) ответом на это отсутствие диалога?

— Сегодня так говорят. Но тогда никто не пытался называть это диалогом. Было конкретное положение репрессированных людей, и нужно было их защищать.

— Но сегодня выясняется, что КОР создавали люди с совершенно разным мировоззрением. Это ведь ваш бывший товарищ, Людвик Дорн, называет вашу среду “образованцами” и “псевдоэлитой”. Что произошло?

— О том, что произошло, вы должны спросить Дорна. У меня есть чувство собственного достоинства. Если вы почитаете мои тексты того времени и сравните их с нынешними, то заметите,

что мир меняется, ситуация и я сам — тоже, но моя сущность не изменилась.

Кажется, в 1979 году Дорн сказал, что его мечта — стать главным полицмейстером в суверенной, независимой Польше. Ну вот его мечта и сбылась.

— Почему свой новый сборник эссе вы назвали “Ярость и стыд”?

— Достаточно посмотреть в окно. Эта действительность приводит меня в ярость и вызывает стыд.

Церковь

— В этой книге вы уделяете много внимания Церкви. Вы пишете: “Неправда, что польской демократии угрожает только католический интегрзм. Ей угрожает и безрелигиозный нигилизм (...) И я боюсь мира, в котором будет править моральность без ограничений и культура без сасгит”. Разумеется, Церковь обязана бороться с нигилизмом, но я боюсь, что в настоящий момент досье [на сексотов] из Института национальной памяти представляют для нее более серьезную угрозу.

— Досье угрожают не только Церкви, но и обществу и государству. Церковь действительно была не готова к тому, чтобы стать лицом к лицу с прошлым и с люстрацией. Какое-то время величайшей угрозой считалось потребительство. Это никакая не угроза. Угроза заключается в том, что представляет собой нынешняя коалиция. В этой атмосфере оказалось, что Церковь отнюдь не едина. С одной стороны это Церковь отца Рыдзыка, а с другой — архиепископа Жицинского. Вдобавок Церковь начали покидать известные люди, чего до сих пор никогда не случалось.

Вы правы, досье — это посмертная победа госбезопасности над ее смертельным врагом, католической Церковью.

— Известные люди уходят, потому что выясняется, что их человеческая сущность не выдерживает такого иерархизированного и отягощенного правилами института. Но я размышляю, не окажется ли для Церкви смертельной и демократическая реформа?

— Я не настолько нахален (хотя нахальства мне не занимать), чтобы советовать Церкви, как она должна строить свои внутренние структуры. Я никогда не высказывался и не буду высказываться на эту тему, так как не являюсь верным сыном католической Церкви. Но для меня важно, будет ли Церковь в

демократическом государстве “предметом пререканий” или “символом принуждения”.

Демократия

— В эссе “Серое прекрасно” вы пишете, что “демократия — не лекарство от человеческих грехов. Это лекарство от диктатуры”. Меня этот аргумент убеждает, но я боюсь, что для пресловутого “простого человека” этого мало. Ему бы хотелось быть красивым, умным и богатым, поскольку что-то в этом духе ему обещает каждое правительство. В чем коренится проблема: в слишком большом цинизме правящих кругов или все-таки в слишком слабо развитой способности поляков объективно оценивать действительность?

— И в том и в другом. Впрочем, это ведь не только польская специфика. Это постоянная мечта о совершенном мире, которого, как известно, не существует. Тот, кто пытается создать такой мир, строит цивилизацию лагерей. В эссе “Серое прекрасно” я выражаю идею, что нет ничего лучше демократии и прекраснее свободы. Разумеется, надо сознавать, что это пространство для всех — и для дураков, и для мерзавцев, что создает постоянную угрозу. Но другого выхода нет. “Серое” означает отказ от самообмана.

— Соотечественникам вы предлагаете серый цвет. А где среди этой серости вы видите место для себя — иконы польской свободы?

— Да перестаньте вы с этой иконой! Я никогда не думал о себе в категориях богостроительства и богоискательства^[7]. Я вообще не рассуждаю в этих категориях. Я стараюсь высказываться в публичных спорах, когда мне кажется, что я могу сказать что-то существенное. Хотя такое чувство посещает меня все реже. Все, что человек пишет, представляет собой некое предложение и может влиять на других людей, но уговаривающий тон не может быть решающим. Просто пишущий должен быть внутренне убежден, что написанное им честно.

— Видите ли вы аналогию между режимом Путина и планами Пис?

— Да, вижу. Различия я, разумеется, тоже вижу — по такому же принципу, как я прослеживаю различия между Польшей и Россией. Здесь не убивают журналистов, вообще не убивают людей, за исключением бандитских разборок, в которых “Баранина” убивает “Говядину” или наоборот^[8]. В России это явление совсем другого масштаба, так как там мафия глубоко

вошла в структуру власти, особенно в провинции. Если бы эта власть почаще сменялась, такого бы не случилось.

В Польше мы тоже имеем дело с подобной риторикой: что должен быть порядок и сильное государство; что Польше никто не будет плевать в лицо; что существует мир космополитов, которым надо противостоять; что необходимо начать борьбу с олигархами (я все жду, кто будет первым польским Ходорковским); что надо усмирить СМИ и уничтожить независимое правосудие, а в борьбе с политическими противниками можно пользоваться спецслужбами. Но прежде всего — централизовать власть, ликвидировать автономию на местах. Россия больше, у нее другая история, поэтому масштаб всего этого тоже совсем другой. Но сравнение кажется мне вполне обоснованным. Я уже сейчас не уверен, что если кто-то звонит в мою дверь в шесть утра, то это непременно молочник.

Россия

— На страницах “Газеты выборчей” очень часто высказываются российские граждане, и сами себя вы считаете русофилом. Но в то же время “Газета” бывает невероятно критична по отношению к России.

— Что значит “по отношению к России”? Если российские СМИ критикуют Сергея Ковалева или Андрея Сахарова, то они критичны по отношению к России или к Сахарову? Если мы критикуем Путина за конкретные политические шаги, то мы критикуем Россию или ее нынешнее правительство?

— По-прежнему ли актуальна описанная в свое время Дмитрием Бабичем проблема вертикальных (на верхушке) и горизонтальных (межчеловеческих) польско-российских отношений?

— В известной степени я согласен с Бабичем. Значительная часть польского политического класса страдает русофобией. Они не знают Россию, не понимают ее и, что хуже всего, не интересуются ею. Но я считаю, что и российская политическая элита тоже страдает много лет вбивавшейся ей серпом и молотом американофобией с Польшей в роли американского гонимого пса. Ее Польша тоже не интересует. Я понятия не имею, каким образом и при каких обстоятельствах президент Путин узнал правду о Катыни.

Разумеется, наши общества заражены историей, но в то же время у меня в России есть множество друзей, интересующихся Польшей. В Польше тоже есть большой интерес к России. То, что мы печатаем так много русских,

неслучайно. Это сознательное решение редколлегии. В Польше нет другой такой газеты, которая посвящала бы России столько места и печатала о ней такие разнообразные материалы. Мы считаем, что правительства приходят и уходят, а люди остаются. Уйдет Путин, уйдет Качинский, а народы останутся, поэтому мы должны знать друг о друге как можно больше. В этом отношении мы наследники Ежи Гедройца, как и вы в “Новой Польше”.

— *Как вы оцениваете инициативу издания “Новой Польши”?*

— Очень положительно. Тем более что сейчас как будто настал неблагоприятный момент. Но, стремясь к правде, надо плыть к истокам, против течения. По течению плывет только дерьмо.

— *Помимо вертикальных и горизонтальных отношений существуют еще и другие, подспудные течения — союзы националистов. Насколько это может осложнить польско-российские отношения?*

— Такие союзы всегда вредят. Как сказал Александр Николаевич Яковлев: “Они спрашивают: гордишься ли ты тем, что ты русский? А чем тут гордиться? Какая в этом моя заслуга? Это заслуга моих папы и мамы”.

Национализм — это всегда глупо. Другое дело — патриотизм, означающий заботу о своей стране и ее культуре. Патриотизм — это прекрасное чувство, которое вдобавок расправляет людям плечи. А национализм всегда направлен против кого-нибудь. Свое самосознание он строит на вражде. Главное для него — не то, чтобы моя страна, мой город, мое издательство выглядели как можно лучше; главное — чтобы у соседа корова сдохла.

— *В этом смысле у нас с Россией схожие проблемы.*

— Но разница заключается в том, что Россия по определению — не этнический монолит и уже никогда им не будет. Польша же в значительной степени монолитна, поэтому здесь труднее спровоцировать этнические конфликты. А указать, где находятся эти этнические меньшинства, наоборот, очень легко: в Перемышле (украинское), в Сейнах (белорусское), в Опольском воеводстве (немецкое).

— *Может ли Польша что-нибудь сделать, чтобы сдержать ухудшение ситуации на Украине?*

— Возможности у нас очень ограничены, так как эти вопросы должны решать сами украинцы. Мы же должны лишь

постоянно предлагать украинской демократии свою помощь, причем наши предложения не могут быть антироссийскими. Никоим образом! Я придерживаюсь мнения, что демократическая Украина — в интересах как России, так и Польши и всего мира. В России была традиция наращивать свою мощь с помощью территориальной экспансии. Сегодня у нее есть шанс развиваться за счет инвестиций в собственную инфраструктуру. Ведь у нее есть всё, вся таблица Менделеева.

— Но не грозит ли ей судьба арабских государств? Основой экономики стали нефть и газ, а это грозит односторонней зависимостью.

— Ну, до этого еще далеко. Но вы правы в том, что нефть и газ — это проклятое благословение. Если они приносят большие деньги, нет необходимости что-либо реформировать.

Поначалу мне казалось, что если Путин взял в свое окружение людей вроде Германа Грефа или Андрея Илларионова, то он понимает, в каком направлении должна идти Россия. Но сейчас верх явно взяла группа гэбэшников, а им какое дело? Им важно только одно — всё прибрать к рукам, а о том, что будет послезавтра — пусть беспокоятся внуки.

— В связи с этим возникает проблема территорий, которые у них отобрали, т.е. бывших союзных республик во главе с Украиной.

— У многих из них действительно сохранилась имперская психология: если Польша уже за граница — ладно, но Украина — никогда! Потому что Киев — это мать городов русских.

Я считаю, что надо просто подождать. Что в конце концов российские элиты привыкнут.

— Но справится ли Украина одна со своими проблемами?

— Если она не справится сама, то ни Польша, ни Россия ей не помогут. Вера в то, что за украинцев можно что-то сделать, очень типична для обществ, привыкших искать виноватых везде, кроме собственного угла. Эта проблема характерна даже для самых благородных людей в России, которые, еще не будучи в состоянии что-либо у себя предпринять, ругали Запад — за оппортунизм, за трусость и т.п. Я стараюсь избегать такого мышления. Если в Польше сложилась та, а не иная ситуация, то виноваты в этом не русские и не евреи, а мы. Но беседуя с русскими, даже с самыми близкими своими друзьями, я часто слышу этот характерный тон: а почему Запад соглашается на то или на это? Тогда я отвечаю им вопросом: а почему на это

соглашается российское общество и 80% населения голосуют за президента Путина? И на этот вопрос друзья-демократы мне не отвечают. А пока они не ответят на него сами себе, не будет ни благоприятного диагноза, ни хороших прогнозов. Я, конечно, сознаю, что это нелегко, и говорю с ними дружески, а не с позиции человека, который всё знает лучше и хочет поучать, — ведь мы сами многому научились у российских демократов. Взять хотя бы тот же КОР: с одной стороны, это было дитя польской традиции, а с другой — русского самиздата.

Беседу вела Сильвия Фролов

Ян Котт (1914–2001), всемирно известный польский критик и теоретик театра; поэт, переводчик, эссеист, литературный критик. Автор более чем 30 книг, из которых наиболее известны его толкования драм Шекспира.

Вацлав Берент (1873–1940), польский прозаик и переводчик периода модернизма. Наряду с Владиславом Реймонтом главный представитель реализма в литературе “Молодой Польши”.

Ян Юзеф Липский (1926–1991), критик и историк литературы, публицист, социалистический деятель, боец Армии Крайовой и участник Варшавского восстания. Член редакции журнала “По просту”, председатель Клуба кривого колеса (1957–1959), один из основателей КОРа. В 1980-е был одним из основных деятелей подпольной “Солидарности”. В 1987 г. воссоздал Польскую социалистическую партию. С 1989 г. сенатор.

ОНР — Национал-радикальный лагерь, националистическая группировка, созданная в 1934 г. молодыми активистами Лагерь Великой Польши. Спустя три месяца был запрещен санационными властями и с тех пор действовал нелегально. В 1935 г. распался на ОНР “Фаланга” и ОНР “АБЦ”.

Эндеки (национал-демократия) — политическое движение, базирующееся на националистической идеологии, возникшее в конце XIX века. Главным его идеологом и одним из основателей был Роман Дмовский.

Эдвард Саид считает ориентализм продуктом европейской идеологии, из-за которого сформировался до сих пор бытующий в мире стереотип Востока. — С.Ф.

По-русски в тексте.

Клички известных польских преступников.

- 1.
- 2.
- 3.
- 4.
- 5.
- 6.
- 7.
- 8.